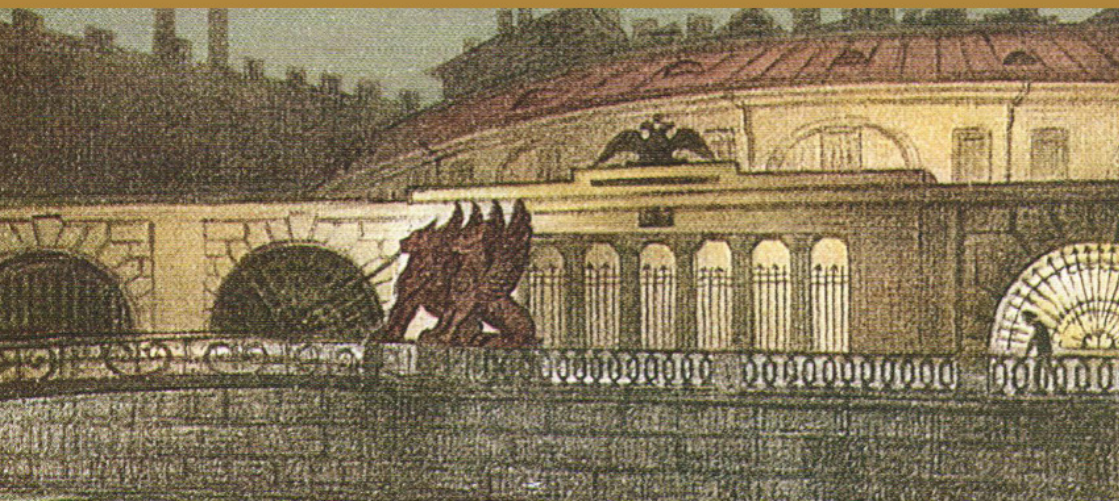
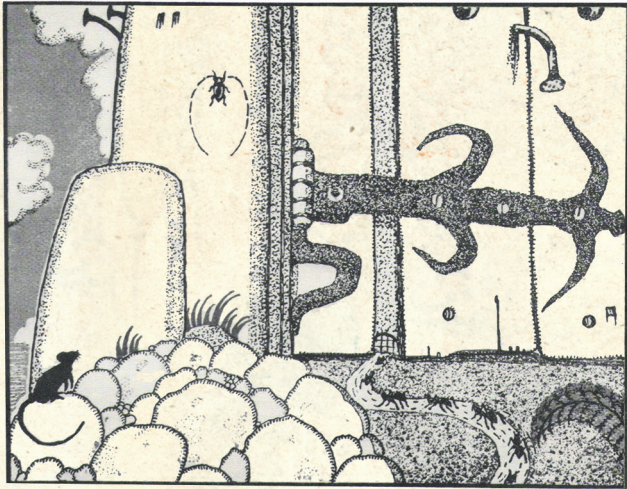

2017 Топонимический № 1(5)
АЛЬМАНАХ

I

Сейчас, в народе, высокая популярность Ивана Грозного. В Орле установлен памятник Ивану Грозному. Предлагают сделать святым. Снят фильм Эйзенштейна. Стоит удовлетворить чаяния народа увековечив его имя в нашем городе.

II

...сквер <...> прилегает к улице Хошимина. Сквер можно назвать одним из городов Таиланда (находиться вдоль Вьетнама, одним из городов которого является Хошимин). Интересное название Бангкок (существовало Радио-Бангкок).

III

Присвоить безымянному проезду <...> название Межзаборный проезд. Проезд интересен тем, что с обеих его сторон стоит забор одинакового рисунка, тянувшийся вдоль всего проезда.

IV

Я понимаю ваше недоумение относительно нашей просьбы оставить улицам наименования, существовавшие внутри садоводства. Конечно, может, на первый взгляд, показаться мало приемлемым для города такие наименования улиц, как Изумрудная, Вдохновения, Грёз, Лунная дорожка и т. д. Легкомысленные? Или, как ещё выражается молодёжь, «феееричные»?..

Интересное наблюдение описывает в Топонимическом альманахе (№ 2/4 за 2016 г.— Ред.) журналист краевед Дмитрий Ратников. Рассуждая о наименованиях улиц садоводства «Волхонское», он потрясающе характеризует их совместно, называя «интересным топонимическим ансамблем». Журналист на подсознательном уровне уловил их связующую общность и выразил это одним, определяющим словом — «Ансамбль»!

V

Старая трасса (Токсовского шоссе.— Ред.) превратилась в тупик. Предлагаю присвоить ему официальное название Старотоксовский тупик, что будет являться своего рода эпилогом постепенного исчезновения старой трассы на карте Петербурга.

VI

И что означает слово «Зенит»? Кто-то говорит, что это высочайшая точка во всей вселенной, а кто-то — это какое-то искажение какого-то иностранного слова.

VII

Прошу аргументировано разъяснить, почему бюро комиссии считает прилагательное «Кабожский» неприемлемым. На мой взгляд, это прилагательное с точки зрения орфоэпии ничем не отличается от прилагательного «Ладожский».

VIII

В качестве своеобразного моста, соединяющего <...> и тему Пушкина, и <...> «ярмарочную» тематику, предлагается название Святогорский бульвар. Фигура Пушкина, гуляющего по Святогорской ярмарке в красной рубашке, связывает Святые Горы и царскосельские холмы.

Орфография и пунктуация оригиналов полностью сохранены.

А.Г. Владимирович

Массовая топонимия на территории «большого» Санкт-Петербурга

Массовая топонимия (термин принадлежит А.О. Кульпину), по аналогии с массовой культурой — это те названия, которые в данную конкретную эпоху массовое сознание считает приемлемыми и желательными для объектов как в городах, так и в сельской местности. Не имеет значения, идёт ли речь о стихийной номинации (то есть, формировании топонимической среды самими жителями) или о волевой, когда присвоением названий занимаются специально уполномоченные на то чиновники (поскольку они, во-первых, вольно или невольно ориентируются на массовое сознание, и во-вторых, неизбежно сами являются его носителями). Конечно, отдельно взятый топоним может отражать сиюминутную политическую конъюнктуру или возникнуть в результате приказа «сверху», но когда наименования тиражируются вновь и вновь, независимо друг от друга, говорить об этом уже не приходится. Попытка исследования массовой топонимии (без применения самого термина) была предпринята Д.С. Ратниковым в статье «Садоводы-топонимисты», напечатанной в предыдущем номере «Топонимического альманаха». Своей задачей автор поставил изучение топонимии «городских» садоводств (возникших во второй половине XX столетия). Безусловно, это не может дать полноты картины, поскольку некоторые

классы массовой топонимии (например, названия, связанные с промышленными объектами) в садоводствах почти не представлены. Кроме того, как станет понятно дальше, в разные эпохи массовая топонимия отличалась достаточно сильно. Автора указанного исследования скорее интересовало не столько массовое сознание как таковое, сколько поиск доказательств для выдвинутого им же самим тезиса о том, что присвоение названий никоим образом не следует пускать на самотёк, то есть доверять местным жителям придумывать их «стихийно». В результате излишне серьёзное внимание в статье оказалось уделено таким единичным топонимическим курьёзам, как *Абрикосовая улица*, *улица Грёз* и *Армовская улица*. К массовой топонимии отношения они не имеют.

Мы будем считать «представителями» массовой топонимии названия, возникшие независимо друг от друга в разных исторических местностях современного «большого» Санкт-Петербурга не менее чем в трёх экземплярах на протяжении одного столетия. При этом XIX век мы по очевидным причинам «протянем» до 1917 г., а при рассмотрении XX века ограничимся советским периодом (1918–1991). Новейшие годы пока не дают достаточного материала для анализа и каких-либо выводов, к тому же городская Топонимическая комиссия предпринимает всё, от неё зависящее, дабы избежать пресловутой «массовости». Фонетические (*Озёрный / Озерной*) и морфологические (*Комсомольская / Комсомола*) варианты примем за один топоним, но будем разделять омонимичные наименования, имеющие разную этимологию. Так, например, *Орловский переулок*

и Орловскую улицу в Рождественской части необходимо рассматривать порознь, поскольку первый обязан своим происхождением названию города Орёл, а вторая — фамилии графа А.Г. Орлова. О том же самом свидетельствуют *Чугунные улицы* (то есть, связанные с чугунолитейным производством) и *Чугунные мосты* (как сделанные из чугуна). Садоводческие топонимы, в официальный Реестр наименований элементов улично-дорожной сети Санкт-Петербурга не включённые, мы учитывать не будем.

Итак, в массовой городской топонимии XVIII века решительно преобладают «протоназвания», представляющие собой скорей не имя объекта, а его описание. Некоторые из них со временем оказались приняты официально, но большинство сменилось более информативными топонимами. Это *Большие* (24), *Глухие* (14), *Средние* (13), *Новые* (12), *Набережные* (9), *Малые* (8), *Наличные* — то есть, передние, лицевые (8), *Безымянные* (6), *Верхние* (4), *Крутые* (4), *Поперечные* (4), *Широкие* (4), *Грязные* (3), *Загородные* (3), *Нижние* (3), *Старые* (3), *Цепные мосты* (3), а также *Чёрные речки* (12). Сюда же относятся номерные *улицы* (8), *линии* (5) и *проспекты* (3). Подчеркнём, что в последнем случае речь идёт не просто о восьми номерных улицах как таковых, а именно о восьми аналогичных «комплектах» в разных частях города.

Из «настоящих» топонимов имеются имена по храмам: *Троицкие* (5), *Преображенские* (3), *Рождественские* (3); по другим приметным ориентирам: *Конные* (5), *Кузнечные* (5), *Дворцовые* (5), *Торговые* (4), *Банные* (3), *Перевозные* (3), *Почтовые* (3), *Рыночные* (3); по занятиям жителей: *Офицерские* (9), *Пушкарские* (3); по сословной

и национальной принадлежности: *Графские* (4), *Чухонские* (4); по особенностям местности: *Песочные / Песчаные* (7), *Болотные* (4), *Морские* (4), *Береговые* (3). Из «именных» топонимов, столь распространённых в следующем столетии, присутствуют только *Екатерининские* (4).

В XIX веке, наоборот, такие названия становятся типичными. Чаще всего они связаны с именами (редко фамилиями) землевладельцев и членов их семей, но могут отражать имена членов императорской фамилии и посвящения святым: *Александровские* (38), *Николаевские* (27), *Михайловские* (19), *Ивановские* (17), *Ольгинские* (16), *Петровские* (не связанные с Петром I) (15), *Андреевские* (13), *Екатерининские* (13), *Алексеевские* (11), *Владимирские* (11), *Елизаветинские* (11), *Павловские* (10), *Георгиевские* (8), *Сергиевские* (7), *Васильевские* (6), *Яковлевские* (6), *Григорьевские* (5), *Ильинские* (5), *Надеждинские* (5), *Семёновские* (5), *Борисовские* (4), *Веринские* (4), *Егоровские* (4), *Еленинские* (4), *Аннинские / Анненские* (3), *Варваринские* (3), *Дмитриевские* (3), *Константиновские* (3), *Фёдоровские* (3).

Топонимы по фамилиям домо- и землевладельцев, также часто встречавшиеся в это время, носили «точечный» характер, и в трёх разных местах «засветились» только застройщики Н.И. Дернов и М.Э. Сегаль, активно работавшие в нескольких частях города, а также графский род Орловых, купеческая семья Гусевых и семейство немецких колонистов Шеферов. Широко распространяются названия по храмам: *Мариинские* (19), *Никольские* (11), *Троицкие* (10), *Благовещенские* (5), *Покровские* (4), *Воскресенские* (3), *Преображенские* (3),

Спасские (3), *Успенские* (3), а также собственно *Церковные* (20), *Соборные* (7), *Монастырские* (4) и *Кирочные* (3).

Из наименований по другим приметным ориентирам в XIX столетии присутствуют: *Школьные* (8), *Баньные* (7), *Кузнечные* (7), *Торговые* (7), *Земские* (6), *Кладбищенские* (6), *Рыночные* (6), *Больничные* (5), *Сенные* (5), *Парковые* (4), *Приютские* (4), *Почтовые* (4), *Фермские / Ферменские* (4), *Богадельные / Богадельные* (3), *Водопроводные* (3), *Дворцовые* (3), *Зверинские* (3), *Копюшечные* (3), *Магазинные / Магазиные* (3), *Перевозные* (3), *Портовые* (3) и *Фуражные* (3).

Неожиданно много оказывается *Театральных* (9). Военная тематика представлена *Госпитальными* (11), *Манежными* (8), *Казарменными* (4), *Артиллерийскими* (3), *Сапёрными* (4), *Конногвардейскими* (3) и просто *Военными* (3); промышленные объекты — *Заводскими* (8), *Кирпичными* (3), *Корабельными* (3) и *Чугунными (улицами)* (3). С появлением железных дорог естественным образом возникают *Железнодорожные* (12) и *Вокзальные* (7). Среди «протоназваний» XIX века преобладают *Новые* (48), *Глухие* (34) и *Безымянные* (27). Далее идут *Средние* (18), *Большие* (12), *Грязные* (11), *Южные* (11), *Задние* (10), *Нижние* (9), *Кривые* (7), *Набережные* (7), *Западные* (6), *Малые* (6), *Пустые* (6), *Широкие* (6), *Бульварные* (5), *Каменные* (5), *Красные*, в смысле — красивые (5), *Косые* (5), *Прогонные* (5) и *Скотопрогонные* (4), *Северные* (5), *Цепные мосты* (5), *Чугунные мосты* (5), *Граничные* (4) и *Пограничные* (3), *Загородные* (4), *Ломаные* (4), *Общественные* (4), *Старые* (4), *Верхние* (3), *Восточные* (3), *Горбатые мосты* (3),

Круглые / Круговые (3), *Межевые* (3), *Объездные* (3), *Поперечные* (3) и *Прямые* (3), а также номерные *линии* (12) и *улицы* (7). Широко распространяются *Вновьпроложенные* (8), к концу столетия заменившиеся *Новопроложенными* (6).

Топонимов по занятиям жителей нет вовсе. Топонимы по сословной и национальной принадлежности представлены *Графскими* (8), *Княжескими* (4) и *Немецкими* (5).

Из наименований по особенностям местности присутствуют: *Полевые* (18), *Лесные* (14), *Морские* (12), *Песочные* (12), *Садовые* (12), *Огородные* (10), *Болотные* (6), *Купальные* (6), *Озёрные* (6), *Береговые* (4), *Приморские* (4), *Горные*, *Нагорные* и *Подгорные* (по 3), *Дачные* (3), *Луговые* (3), *Прудовые* (3), *Речные* (3), *Слободские* (3) и *Торфяные* (3). Из названий по природным признакам: *Берёзовая*, *Лиственная* и *Сосновая* (по 4).

Среди часто применявшихся с середины XIX века наименований по российским губернским городам массовый характер приобрели только *Московские* (4), *Новгородские* (4) и, по какой-то причине, *Томские* (3). К концу столетия в массовом сознании отчётливо возникает стремление к увековечению тех или иных выдающихся деятелей, конечно, ещё не «испорченное» идеологией. Поэтому до 1917 г. в массовую топонимию сумели «проникнуть» лишь Пётр I (8), писатели И.С. Тургенев (6) и Н.А. Некрасов (3), полководцы А.В. Суворов (4) и М.Д. Скобелев (3), а также внук А.В. Суворова, петербургский генерал-губернатор А.А. Суворов (4). После торжеств 1913 г. по случаю трёхсотлетия дома Романовых появляются сразу четыре *Романовских проспекта*.

Октябрьский переворот 1917 г. ознаменовал резкий слом массового сознания, что неизбежно отразилось на топонимии, сразу же поставленной «на службу» новым властям. Напрочь исчезают «именные» названия, наименования по фамилиям домо- и землевладельцев, тем более по храмам. Теперь массовая топонимия отражает принудительно навязанную революционную идеологию: *Советские* (33), *Пролетарские* (16), *Труда* (16), *Мира* (14), *Социалистические* (12), *Коммунаров* (11), *Рабочие* (11), *Гражданские* (10), *Дружбы* (8), *Свободы / Свободные* (8), *Коммуны* (7), *Интернациональные* (5), *Красные* — уже в революционном смысле (5), *Красных Зорь* (5), *Народные* (4), *Республиканские* (4), *Возрождения* (3), *Коллективные* (3), *Культуры* (3), *Просвещения* (3), *Равенства* (3). «Увековечиваются» структуры, созданные новой властью, и их участники: *Пионерские* (24), *Комсомольские / Комсомола* (23), *Колхозные* (12), *Красноармейские* (12), *Молодёжные* (9), *Строителей* (8), *Краснофлотские* (6), *Красных Курсантов* (6), газеты *Правды* (6), *Танкистов* (6), *Красных Командиров* (5), *Пролеткульта* (5), *Совхозные* (5), *Кооперативные* (4), *Юного Пролетария* (3); достижения нового строя: *Спортивные* (8), *Авиационные* (6), *Связи / Связные* (6), *Третьей Пятилетки* (4), *Тракторные* (3); памятные даты: *Первомайские / Первого Мая* (17 плюс 4 *Майских*), *Октябрьские* (12), *Девятого Января* (5), *Двадцать Пятого Октября* (3). Само собой, обязательны события, в конечном итоге приведшие к захвату власти большевиками, и лица, принимавшие участие в этих событиях: *Красногвардейские* (7), *Партизанские* (6)

и *Красных Партизан* (4), *Революции* (6), *Декабристов* (5), *Восстания* (4), *Жертв Революции* (3), *Стачек / Стачечные* (3). После окончания Великой Отечественной войны в этот список, разумеется, добавились *Победы* (10) и *Оборонные / Обороны* (5). Сюда же примыкают *Ленинградские* (12) и *Московские* (4), большинство из которых отнюдь не обозначают направление.

Резко, взрывным образом, расширяется практика увековечения. Прежде всего, конечно это «свои» — «красные мученики»: В. Володарский (16), М.С. Урицкий (11), К. Либкнехт (7), Н.Г. Толмачёв (4), П.Л. Войков (3), В.В. Воровский (3), С.П. Восков (3), Р. Люксембург (3); полководцы Гражданской войны: К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе, В.И. Чапаев (по 3); руководители партии и государства: В.И. Ленин (26, включая 4 *Ильича / Ильичёвских* и 2 *Ульяновских*), Ф.Э. Дзержинский (8), С.М. Киров (8), М.И. Калинин (6), Я.М. Свердлов (6), В.В. Куйбышев (5), Л.Б. Красин (3), Н.К. Крупская (3), А.В. Луначарский (3); теоретики социализма: К. Маркс (10), Ф. Лассаль (4), Ф. Энгельс (4); революционные деятели прошлых лет: Ж.-П. Марат (4), Е.И. Пугачёв (3), С.И. Халтурин (3); лётчики: В.П. Чкалов (6), П.Д. Осипенко (3), герои Великой Отечественной войны: А.М. Матросов (4), Н.Ф. Гастелло (3). Из «правильных» выдающихся деятелей разрушенной Российской империи присутствует лишь М.И. Кутузов (3). Ослабление интереса к А.В. Суворову (2) компенсируется восстановлением в 1944 г. ранее переименованного *Суворовского проспекта*. Обращает внимание отсутствие фамилий И.В. Сталина и А.А. Жданова (всего по 2), что следует объяснять

сознательными властными ограничениями бесконечных порывов «трудящихся» называть в их честь всё и вся. Не удостоились подобного места в «советском пантеоне» склонный к неверным методам борьбы С.Т. Разин (2), дворянка С.Л. Перовская (2) и её сожигатель А.И. Желябов (2), не сумевший удержать власть М. Робеспьер (1). К тому же все они были казнены.

Среди писателей и поэтов на периферию массового сознания отходит И.С. Тургенев (2), но значительно усиливает свои позиции «певец народа» Н.А. Некрасов (8) и возникает культ А.С. Пушкина (15). Из других классиков, благодаря особенностям их биографий и творчества, внимание уделяется М.Ю. Лермонтову (7), Н.В. Гоголю (6), Л.Н. Толстому (6), Н.Г. Чернышевскому (5), А.И. Герцену (3) и А.Н. Островскому (3); советские классики представлены М. Горьким (13) и В.В. Маяковским (8). Не попадают в массовую топонимию идеологически сомнительные Ф.М. Достоевский (1), А.А. Блок (1), С.А. Есенин (2), «несерьёзный» А.П. Чехов (2), не говоря уже о Н.С. Лескове, И.А. Гончарове и И.А. Бунине, которые вовсе отсутствуют.

Из прочих деятелей культуры массового увековечения удостоились только художник И.Е. Репин (4) и композитор П.И. Чайковский (3), среди учёных — первый русский энциклопедист М.В. Ломоносов (9), селекционер И.В. Мичурин (7), изобретатель радио А.С. Попов (4) и оружейник В.А. Дегтярёв (3). Последнее выглядит, на первый взгляд, странным, но объясняется тем, что Дегтярёв был связан и с Сестрорецким оружейным заводом, и с Ораниенбаумской стрелковой школой, а в советское время

вырос до конструктора всесоюзного масштаба, в то время как его коллеги С.И. Мосин (1) и Ф.В. Токарев (1) работали в основном только в Сестрорецке.

Из числа «протоназваний» уходят — или почти уходят — как идеологически неправильные или вовсе неблагозвучные: *Глухие* (1), *Пустые* (1), *Кривые* (0), *Задние* (0), *Горбатые* (0) и *Скотопрогонные* (0). По-прежнему лидируют *Новые* (33), далее с большим отрывом следуют *Малые* (10), *Набережные* (10), *Северные* (10), *Средние* (10), *Безымянные* (7), *Восточные* (7), *Новопроложенные* (6), *Круглые / Круговые* (5), *Большие* (4), *Западные* (4), *Загородные* (3), *Косые* (3), *Нижние* (3), *Общественные* (3) и *Прямые* (3). *Граничные* целиком вытесняются *Пограничными* (8). Из отсутствовавших ранее появляются *Центральные* (15), *Южные* (11), *Тихие* (6), *Главные* (5), *Дальние* (5), *Короткие* (3), *Проектируемые* (3) и *Сельские* (3). Сохраняются номерные *линии* (9), но место номерных *улиц* занимают *проезды* (13).

Перечень топонимов по приметным ориентирам обновляется больше чем наполовину, при этом став намного короче. Нет больше *Баннхих*, *Кладбищенских*, *Рыночных* и *Богадельных*; остаются *Железнодорожные* (21), *Парковые* (19), *Школьные* (18), *Заводские* (8), *Театральные* (5), *Больничные* (3) и *Кирпичные* (3). Наряду с *Вокзальными* (14) появляются *Привокзальные* (13) и *Станционные* (6). Добавляются *Лагерные* (7), *Детские* (6), *Санаторные* (6), *Клубные* (5), *Гаражные* (4), *Пляжевые / Пляжные* (4), *Карьерные* (3) и *Путейские* (3). Сюда же относятся *Транспортные* (4) и *Промышленные* (3).

Из наименований по населённым

пунктам имеются *Мгинские* (3), из редких для советского времени названий по занятиям жителей — *Рыбацкие* (3). Список топонимов по особенностям местности и по природным признакам меняется мало, но самих таких объектов становится заметно больше — возможно, как своеобразная реакция «отторжения» на идеологическое давление: *Полевые* (31), *Лесные* (19), *Садовые* (15), *Песочные* (14), *Речные* (12), *Луговые* (11), *Сосновые* (11), *Морские* (9), *Берёзовые* (8), *Дачные* (8), *Нагорные* (8), *Береговые* (7), *Болотные* (6), *Горные* (5), *Лиственные* (4), *Приморские* (4), *Моховые* (3), *Огородные* (3), *Прудовые* (3), *Торфяные* (3). Появляются новые, ранее не встречавшиеся в массовом порядке названия: *Зелёные* (17), *Цветочные* (10), *Овражные / Овражие* (7), *Курортные* (5), *Поселковые* (5), *Боровые* (4), *Заречные* (4), *Солнечные* (4), *Хвойные* (4), *Ручейные* (3), *Тенистые* (3).

В советское время ярко проявилась особенность, в определённой мере присутствовавшая и раньше: то, что топонимы по природным признакам на самом деле являются абстрактными, не отражающими ни специфику улицы, ни даже специфику местности. Сосна и берёза — самые распространённые деревья на Северо-Западе, но не следует думать, что на *Сосновой* или *Берёзовой* улицах их больше, чем на соседних (редкое исключение — *Берёзовая аллея* в Сосновке, нынешняя *улица Академика Глушко*, действительно обсаженная берёзами). Ещё с большим основанием то же самое можно сказать про *Зелёную*, *Цветочную*, *Солнечную*, *Тенистую*, *Лиственную* или *Хвойную*, тем более что две последних часто идут в связке.

В целом, делая выводы, можно констатировать, что массовое топонимиче-

ское сознание очень чутко реагирует на официально насаждаемую идеологию, будь то имперская («самодержавие — православие — народность») или советская. В остальном же отражаются те понятия и объекты, которые для населения в данную эпоху представляются наиболее значимыми ориентирами: храмы, торговые места, бани и кузницы в одну эпоху; клубы, детские учреждения, гаражи и пляжи — в другую. Не вызывает удивления, что *Цветочные улицы* проникли в массовую топонимию лишь в советское время, так как до этого цветоводство, будучи отнюдь не дешёвым, считалось занятием «помещичьим» и «мещанским», чуждым простому народу. В советское же время возникла идеология «отдыха после трудовой недели» (раньше крестьянам само это понятие было неизвестно, и весь «отдых» для них сводился к воскресному посещению храмов, церковным праздничным и табельным дням), и это сразу отразилось появлением *Курортных*, *Санаторных*, *Солнечных* и *Тенистых улиц и переулков*.

Относительно же увековечения памяти тех или иных деятелей, очевидно, что в массовую топонимию проникают лишь такие немногочисленные фигуры, «культ» которых насаждается официально, поэтому массовое сознание и признаёт их «достоинными».

Обратим внимание, что список неоднократно увековеченных писателей и поэтов почти досконально совпадает с их основным рядом из советской школьной программы по литературе, за исключением тех, у кого обнаруживаются те или иные «изъяны». Отсутствие В.Г. Белинского (1) выглядит нелогичным, но может быть объяснено тем, что он был не «полноценным» писателем, а критиком.

История изобразительного искусства, в отличие от литературы, в советской общеобразовательной школе фактически не изучалась, а в преподавании музыки главный акцент делался на «массовую» советскую песню, а не на классическое наследие — как результат, для массового сознания оказались приемлемы только П.И. Чайковский и И.Е. Репин. До «контрольной цифры» чуть-чуть «не дотянул» И.И. Шишкин (2).

Массовая топонимия ясно показывает, насколько сильно мифологизирована была история революции

и Гражданской войны — при том, что почти всех значимых её деятелей объявили «врагами народа», поэтому их поздняя реабилитация уже ничего изменить не могла.

Удивляться ограниченности отражения в массовой топонимии истории науки вообще не приходится. Попытки же начиная с 1960-х гг. хоть как-то изменить положение, предоставив для присвоения имён ранее «обойдённых» деятелей целые городские районы, так и остались чиновничьи изысками и на массовое сознание никак не повлияли.

ЗДЕСЬ БЫЛ КАНАЛ...

Введенский канал как городской проезд Петербурга поневоле привлекает к себе внимание необычной формой официального названия. Не так уж много у нас подобных топонимов — после того, как исчезли последние адреса по Внутреннему каналу на Гутуевском острове, «сухопутную» компанию Введенскому составляют только *Межевой канал*, *Шкиперский проток* и *Масляный канал*. Что поделаться, мы не в Венеции, где для улочек на месте засыпанных каналов существует особая «статусная часть» — *rio terra*. Но при кажущейся парадоксальности этих названий они вносят дополнительный оттенок своеобразия в палитру городских имён Петербурга.

М.Шемякин. *Введенский канал*.
1966. Офорт.

Топонимическая история Введенского канала в XX веке тоже во многом парадоксальна. Как известно, он был официально переименован в *Витебский*, по соседнему вокзалу,

одновременно с *Введенской площадью*, 10 сентября 1935 г.¹ Тем же решением набережная Введенского канала превратилась в набережную Витебского канала. До настоящего времени считалось, что официальное возвращение его исторического названия — хотя и не для утраченного к тому времени водного объекта, а уже для улицы — состоялось в 1980 г.² Это было единственное восстановление прежнего имени городского объекта за всё время с конца 1950-х по конец 1980-х гг. (не считая формального возвращения в 1975 г. Таврического сада, который среди горожан иначе никогда и не именовался), и это событие выглядит необъяснимым исключением в топонимической политике ленинградских властей. Но уже при внимательном изучении источников, на которые ссылается Топонимическая энциклопедия, возникают дополнительные вопросы.

Ведь решение Ленгорисполкома № 894 от 29 декабря 1980 г. «О наименовании улиц и объектов местного подчинения»³, которое якобы содержит первое за многие годы возвращение исторического названия в Ленинграде, на самом деле всего лишь переименовывает **набережную** Введенского канала в **улицу** Введенского канала! В этом можно убедиться, заглянув в приложение к решению⁴, где содержатся такие формулировки переименования: «*Существующее наименование — набережная Введенского канала, новое наименование — улица Введенского канала,*

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 71. Д. 137. Л. 33-47.

² Большая Топонимическая Энциклопедия Санкт-Петербурга / Под ред. А.Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 90.

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 53. Д. 243. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 27.

обоснование — улица проходит по засыпанному бывшему Введенскому <sic!> каналу». В архивном деле присутствуют и черновики решения, из которых следует, что изначально Городская комиссия по наименованию улиц и объектов местного подчинения предлагала в качестве нового наименования сухопутного проезда именно узаконенный ныне вариант *Введенский* канал. Кое-какие подчистки и исправления в черновике приложения⁵ позволяют предположить, что была и идея наименования проезда в честь медика А.А. Нечаева, чьё имя носила в советские годы, до вхождения в состав Военно-медицинской академии, Обуховская больница. Но в проектах решения, рассылавшихся обкомом КПСС на согласование в горком и причастные райисполкомы, значился именно Введенский канал.

Введенский (Витебский) мост по Загородному проспекту

Из девяти адресатов-согласователей замечания по этому пункту высказали двое: «может, лучше *Введенская ул.*»⁶ и «зачем тогда «канал», он же засыпан»⁷. А вот поправок не по форме названия, а по сути ни от кого не поступило! Очевидно, к этим замечаниям прислушались, и в 1980 г.

получилось то, что получилось — улица Введенского канала. А в Введенский канал она превратилась уже в 1999 г. при утверждении первой редакции Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга — по образцу Межевого канала и в соответствии с изначальной задумкой ленинградских топонимистов начала 1980-х гг.

Таким образом, приходится признать, что формулировки Топонимической энциклопедии, гласящие, что «память о засыпанном канале сохранилась в форме названия проезда — улица *Витебского канала*», и что наименование проезда в форме Введенский канал было официально утверждено в 1980 г., нуждаются в корректировке.

Фрагмент Генерального плана Ленинграда. 1948

Однако если набережная Введенского канала уже считалась официальным названием в 1980 г., то когда же в действительности состоялось возвращение этого топонима? Источники показывают, что на самом деле «двойная жизнь» Введенского-Витебского канала не прекращалась

⁵ ЦГА СПб. Ф. 384. Оп. 53. Д. 243.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ Там же. Л. 78.

с самого момента его официального переименования в 1935 г. и продолжалась даже после «смерти» водного объекта, засыпанного к 1967 г.

Правда, на карте Ленинграда 1936 г., изданной как приложение к путеводителю по Ленинграду, подписан Витебский канал⁸. А вот на карте 1939 г. опять значится Введенский, впрочем, в списке проездов, прилагаемых к карте, упомянуто переименование канала и набережной⁹. На общедоступной карте Ленинграда 1940 г. он снова Витебский¹⁰, а на плане 1947 г. (для служебного пользования, составлен Трестом ГРИИ Управления по делам архитектуры Исполкома Ленгорсовета)¹¹ остаётся Введенский канал. Двойственность наблюдалась и в отношении будущей судьбы канала как такового.

Засыпка канала. 1965

По Генеральному плану Ленинграда 1948 г.¹² его предполагалось засыпать. А разработанный в 1955 г. «Генеральный план развития Ленинграда на 1956-1965 годы» оставлял каналу (обозначенному как Витебский) право

на жизнь¹³. Окончательный приговор водотоку был подписан в 1962 г., но и придя к выводу о нецелесообразности сохранения водной артерии, городские власти не сразу определились с тем, как организовать городское пространство на месте бывшего канала. Ленгорисполком в течение 1962 г. по меньшей мере трижды обращался к этому вопросу. В апреле 1962 г. был разработан проект решения «О реконструкции района Витебского канала»¹⁴. В нём предусматривалось устройство магистрали от Обводного канала до Фонтанки, причем упоминалась и разноуровневая развязка, которая должна была соединить Клинский проспект и улицу Марата. Но фактически принятое решение Ленгорисполкома числится уже под № 687 от 4 июня 1962 г. и называется «О засыпке Введенского канала и об устройстве на нем бульвара»¹⁵. В материалах к решению мирно уживаются и «справка по Введенскому каналу», и записка по «реконструкции района Витебского канала»¹⁶. Из приведённых там расчётов можно сделать вывод, что ключевую роль в судьбе канала могли сыграть экономические соображения: стоимость устройства гранитных набережных значительно превышала стоимость засыпки... В конце концов на бывшем канале не появилось ни бульвара, ни развязки. Финальное решение Ленгорисполкома за № 1227, подписанное 29 октября 1962 г., озаглавлено «О засыпке Введенского

⁸ www.etomesto.ru/map-peterburg_1936leningrad/

⁹ www.aroundspb.ru/maps/len1939/len1939.php#v.

¹⁰ www.aroundspb.ru/maps/len1940/len1940.jpg.

¹¹ www.aroundspb.ru/karty/226/len_1947.html.

¹² www.aroundspb.ru/karty/147/len_1948_plan.html.

¹³ www.aroundspb.ru/karty/148/len_1955_plan.html.

¹⁴ ЦГА СПб, ф. 7384. Оп. 41. Д. 308. Л. 17–19.

¹⁵ Там же. Л. 1, 2.

¹⁶ Там же. Л. 14–16.

канала и благоустройстве этой территории»¹⁷. Но если засыпку закончили в 1967 г., то благоустройство проезда затянулось ещё почти на 10 лет, до 1976 г. Так же спокойно уживались оба названия канала и в других решениях ленинградской исполнительной власти. Так, в решении Ленгорисполкома № 26-3-п «Об утверждении правил по эксплуатации и содержанию ленинградских внутренних водных путей» от 16 мая 1958 г. в перечне водных путей, находящихся в ведении Ленводпути, под номером 20 числится Введенский канал¹⁸. А в решении Ленгорисполкома № 26 «Об изменении границ Фрунзенского, Московского, Ленинского, Невского и Куйбышевского районов Ленинграда» от 11 января 1965 г. новая граница Фрунзенского и Ленинского районов проходит по оси (тогда еще недозасыпанного) Витебского канала.

Можно предположить, что хранителями исторического названия канала выступали в первую очередь ленинградские водники. Немногочисленных жителей прописывали то по Витебскому каналу, то по набережной Витебского канала. В справочниках, изданных до 1980 г. — А.А. Ксенофонтова (1969)¹⁹, Т.И. Елохиной (1977)²⁰, К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло²¹ присутствует уже только Витебский канал, без «набережной», но и, заметим, без «улицы». Такая же картина — один только Витебский

канал, без набережной — наблюдается и в почтово-телеграфных справочниках 1964 и 1976 гг.²². Но существует и ещё один справочник, изданный в 1965 г. Ленгорисполкомом для служебного пользования, который составляла Н.А. Козел-Александрова²³. И вот в нём-то как раз и фигурирует «Введенского канала наб.», которую в 1980 г. официально превратили в «улицу Введенского канала», приняв возвращение исторического имени, что называется, явочным порядком. До сих пор половина адресных табличек на Введенском канале содержит форму 1980 г. с «улицей».

Хитросплетения этой запутанной истории, в которой двойится не только название бывшего канала, как нельзя лучше соответствуют мистической, таинственной части души Ленинграда-Петербурга, неотделимой от его существующих и несуществующих водных пространств. Под действие этой ауры, возможно, неосознанно попали и суровые советские чиновники, не расстававшиеся с историческим именем Введенского канала. Поэтому я хотел бы закончить своё небольшое исследование стихотворением замечательного ленинградского поэта Евгения Рейна. В полном соответствии с двойственной природой нашего канала (Витебского и Введенского, водного и сухопутного, погибшего и живого) это стихотворение известно в двух редакциях.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 331. Л. 164, 165.

¹⁸ Сборник решений и распоряжений Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, Л., 1959. С. 172–176.

¹⁹ Указатель проездов Ленинграда / Под ред. А.А. Ксенофонтова. Л., 1969. С. 9–10.

²⁰ Елохина Т.И. Улицы Ленинграда. Справочник по состоянию на 1 января 1977 г. Л., 1977. С. 37.

²¹ Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Почему так названы? Л., 1967.

²² Почтово-телеграфный справочник города Ленинграда: пособие для сортировки почтовых и телеграфных отправок и обработки подписной документации в городе Ленинграде / Ленинград. гор. производственно-техн. упр. почтовой связи. М., 1976.

²³ Список проездов города Ленинграда и основных населённых пунктов его пригородов / Сост. Н.А. Козел-Александрова. Л., 1965. С. 9.

Памяти Витебского канала в Ленинграде

А. Кушнеру

*Здесь был канал. Последний раз я видел
лет шесть назад, смешавшийся с рекой,
зловонный, липкий, словно отравитель,
циан расположивший под рукой.*

*В послевоенных сумерках мелькая,
его волна катила времена,
и мелкая, но, в сущности, рябая,
она в Фонтанку падала до дна.
Она была настолько тяжелее
чужой воды, и, верно, был резон
зарыть канал; но я его жалею,
и для меня не высыхает он.*

*Сюда от Царскосельского вокзала
я приходил; мне помнится вокзал,
я пропускал трамваи, как раззява,
канала никогда не пропускал.*

*Над ним электростанция дымила,
Морская академия жила,
и всё, что было мило и не мило,
его волна навеки унесла.*

*Года и дни, когда мы победили,
и сумерки, когда молчали мы,
прожектора, которые светили
в блокадной тьме среди глухой зимы.*

*В ночных бушлатах, бутсах и обмотках
курсанты погружались в катера,
и карабины брякали на скобках
на этих сходнях в пять часов утра.*

*Я это видел сам и не забуду,
меня война сгубила и спасла.
Она со мной, и мой канал — покуда
я жив ещё, до смертного числа.*

*Закопан, утрамбован по уставу,
и всё-таки на свете одному
дай мне воды запить мою отраву,
канал, как Стикс, впадающий во тьму.²⁴*

²⁴ Гордость и горечь: Поэзия 70-80-х годов о войне / Сост. М.Л. Грозовский. М., 1990. С. 210–211.

Г.Г. Мартынов, А.Г. Тимофеев

МИР ДЕТСКОЙ КНИГИ МСТИСЛАВА ДОБУЖИНСКОГО

В 2016 г. одна из новых улиц Санкт-Петербурга получила наименование в честь М.В. Добужинского. Замечательный повод не просто вспомнить об этом знаменитом художнике-иллюстраторе и великолепном мастере городского пейзажа, воспевшем брандмауэры петербургских доходных домов, но и рассказать о некоторых малоизвестных — и совсем неизвестных — фактах его биографии и творческой деятельности.

Вплоть до середины XIX века издания для детей в России внешне почти не отличались от всех остальных книг. Более того, издатели детской литературы находились в гораздо менее выгодном положении, чем все остальные. Дело было в иллюстрациях, которые, как известно, могут сказать детям намного больше, чем текст.

В целом из сферы ручного производства типографское дело в России вышло после 1825 г. Первые отечественные детские иллюстрированные издания появились в 1840-е гг. Однако типографы по-прежнему могли предложить лишь два наиболее распространённых способа: резцовые гравюры и литографии¹. Гравюры вырезали на дереве или металле (медь, сталь). Печатная форма для литографий изготавливалась на особом литографском камне (известняке).

В обоих случаях требовалась продолжительная и кропотливая ручная работа, поэтому хорошо иллюстрированные издания выходили очень дорогими. *«Кто издавал книги с рисунками, тому известно, сколько трудов и хлопот нужно для этого употребить»*², — ещё в 1880 г. писал известный составитель детских хрестоматий А.А. Радонежский.

В истории искусства русской книги XIX века гравёры и литографы стоят наравне с художниками. В 1864 г. первым в России академиком — гравёром по дереву стал Л.А. Серяков, отличавшийся большой работоспособностью: он вырезал *«около 500 гравюр, не считая исполненных под его непосредственным руководством»*³. Лучшим российским литографическим заведением XIX века было предприятие петербургского художника-литографа А.Э. Мюнстера.

Во второй половине XIX века традиционные гравировальную и литографическую техники в типографском деле постепенно сменил способ фототипии, изобретённый во Франции. Он позволил без серьёзных затрат воспроизводить с максимальной точностью любые художественные оригиналы, как чёрно-белые, так и многокрасочные.

Первым в России дешёвые иллюстрированные детские книги на высоком полиграфическом уровне начал выпускать М.О. Вольф. Основанное им в Петербурге в 1853 г. издательское товарищество, *«считая детскую литературу одной из важных отраслей своей деятельности, <...> в изданиях своих старалось соединить всё дельное, полезное, развивающее*

¹ Литография — от греческих слов lithos (камень) и grafo (пишу).

² Солнышко: Кн. для чтения в нар. училищах / Сост. А. Радонежский. 2-е изд. СПб., 1880. С. VII.

³ Павлов И., Маторин М. Техника гравюры на дереве и линолеуме. 2-е изд. М., 1952. С. 24.

душу, ум или сердце содержание — с изящною, художественною внешностью, в особенности в так называемых книгах-подарках»⁴.

Другим крупнейшим издательским предприятием стало товарищество И.Д. Сытина, организованное в Москве в 1883 г. Его сотрудники постоянно работали над усовершенствованием иллюстраций к дешёвой детской книге. Сытин писал в мемуарах: «Эта сторона дела составляла всегда предмет особенных забот нашего издательства»⁵.

Но ещё долго иллюстрации в детских книгах оставались выполненными не в цвете. Зачастую их попросту заимствовали из «взрослых» изданий, либо использовали репродукции картин. Оформление обложки с иллюстрациями внутри самой книги, как правило, не связывалось. Титульные листы вообще никак не оформляли, оставляя их исключительно шрифтовыми.

Оригинальных иллюстраций специально для детских изданий было мало. Прежде всего, среди них выделяются работы Елизаветы Меркурьевны Бём и художников «Абрамцевского кружка»⁶ — В.М. Васнецова и Е.Д. Поленовой, создававших яркие жанровые рисунки в «русском стиле».

С ноября 1898 г. в Петербурге начал выходить «Мир искусства» — первый в России роскошно иллюстрированный журнал. Одним из его программных заданий было «улучшение книжного искусства»⁷.

Вокруг журнала сложилась группа художников во главе с А.Н. Бенуа. В русской культурной среде уже к началу XX века он прочно занял «одно из самых видных мест как интересный художник, рисовальщик и авторитетный художественный критик. К его голосу прислушивалась вся художественная Россия»⁸.

К первой половине 1900-х гг. В.М. Васнецову, А.Н. Бенуа и членам «Мира искусства» С.В. Малютину и И.Я. Билибину удалось создать «новый тип детской книжки-тетрадки, оформленной и иллюстрированной в едином стиле»⁹.

История русских художественных пособий для обучения детей грамоте началась с «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа. В конце 1904 г. это роскошное литографированное издание было отпечатано в одной из лучших петербургских типографий, принадлежавшей Экспедиции изготовления государственных бумаг.

Всего в «Азбуке» 34 картины, часто многофигурные, сочетающие сказочное и реальное: «Арап», «Баба-Яга», «Звёзды», «Озеро» и другие. Они предназначены для продолжительного, подробного разглядывания. Тем не менее, сюжетно-образная система работы Бенуа основана не на педагогических приёмах обучения. Она находится «в области лирического, в воспоминаниях художника о собственном детстве, о детских играх, радостях, праздниках»¹⁰.

⁴ Новые издания, 1913–1914: Кат. кн. для детей и взрослых, изд. Товариществом М.О. Вольф. СПб., 1915. [2]-я с. обл.

⁵ Сытин И.Д. Страницы пережитого: дет. лит. // Жизнь для книги: [Сб.]. М., 1962. С. 81.

⁶ «Абрамцевский кружок» — по названию подмосковной усадьбы. После того как в 1870 г. Абрамцево приобрёл крупный промышленник и меценат С.И. Мамонтов (1841–1918), усадьба на многие годы сделалась одним из центров художественной жизни России.

⁷ Дульский П., Мексин Я. Иллюстрация в детской книге. Казань, 1925. С. 30.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ [Юниверг Л.И. Издательство И.Н. Кнебеля] // Книга в России. СПб., 2008. С. 201.

¹⁰ Эткинд М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л., 1989. С. 103.

При этом «Азбука» — не только своеобразные графические «мемуары», но и яркое выражение преданности членов «Мира искусства» театру. Многие изображения решены как сценическое пространство или напоминают декорации к спектаклям. Одна из лучших картин так и называется — «Театр». На ней дети восхищённо аплодируют действию, происходящему на сцене.

«Азбука в картинах» — великолепный образец русского книжного искусства начала XX века. Сами «мирискусники» приняли её как «чудесную книжку»¹¹. Однако по прямому назначению это издание так и осталось не востребовавшимся. Овладеть грамотой с его помощью ребёнок «*сможет лишь в том случае, если объяснения будет давать взрослый, обладающий незаурядной эрудицией и определёнными художественными симпатиями*»¹². Возможно, поэтому в воспоминаниях самого Бенуа она упоминается лишь мельком¹³. Но, несомненно, «Азбука» дала необходимый толчок к дальнейшему развитию оформительских принципов детской книги.

В декабре 1905 г. в журнале «Вестник литературы» появилась статья без подписи «Требования, которые должны быть предъявлены к детским книгам». В ней «с точки зрения разумной педагогики» сформулированы три основных положения, которым следовало соответствовать любому изданию для детей: быть понятным ребёнку, стремиться к развитию в нём нравственного чувства и способствовать его эстетическому развитию¹⁴.

Со второй половины 1900-х гг. свой вклад в развитие оформления детской книги внесли Д.И. Митрохин, Г.И. Нарбут, М.В. Добужинский и другие члены «Мира искусства». Отличительными признаками их работы стали цельность стиля, чёткость контурного рисунка, декоративность композиции и внимательный учёт возможностей полиграфии.

М.В. Добужинский.
Автопортрет. У книжной полки. 1910

Мстислав Валерианович Добужинский родился 2 (15) августа 1875 г. в Новгороде. Его отец, артиллерийский офицер Валериан Петрович (1842–1920), происходил из старинного обрусевшего литовского рода. Впоследствии он дослужился до генерал-лейтенанта. Мать, дочь новгородского священника Елизавета Тимофеевна Софийская (1848–1919), была оперной певицей.

¹¹ Добужинский М.В. Письма. СПб., 2001. С. 68 и 69 (письма к А.Н. Бенуа от 1 и 28 сентября 1905 г.). Также см.: Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 207.

¹² Липович И. Азбука в картинах Александра Бенуа // Детская литература. 1969. № 1. С. 50.

¹³ См.: Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн. 4–5. 2-е изд., доп. М., 1990. С. 406.

¹⁴ См.: Вестник литературы (издание «Товарищества М.О. Вольф»). 1905. № 23. Стб. 518–523 (номер от 8 дек.).

¹⁵ См. в письме М.В. Добужинского к А.Н. Бенуа от 3–6 ноября 1956 г.: «До четырех лет я был при моей маме...» (Добужинский М.В. Письма. С. 318).

В 1879 г. родители разъехались¹⁵. Мстислав остался с отцом, о котором впоследствии вспоминал: «...он всего себя отдал моему воспитанию, и теперь мне ясно, что в те годы я был для него центром и даже, может быть, смыслом его жизни, и любовь его грела всё мое детство»¹⁶.

Бракоразводный процесс закончился лишь в марте 1892 г. В том же году В.П. Добужинский женился на своей дальней родственнице Констанции Оттовне Добужинской (1861–1899).

По воспоминаниям М.В. Добужинского, буквам он обучился «на 4-м году, играя в кубики с азбукой. <...> Охота и способности к рисованию стали проявляться тоже очень рано — с тех пор, как <...> научился держать в руке карандаш, и <...> это было до известной степени наследственным» — В.П. Добужинский «рисовал очень хорошо для любителя и с натуры делал отличные и точные рисунки. <...> Когда отец заметил мою потребность к рисованию, он всячески старался её поощрять, и у меня всегда было изобилие цветных карандашей и бумаги, а мои рисунки он с моего трёхлетнего возраста стал бережно собирать и с их датой вклеивать в альбом, которых у него за моё детство накопилось несколько. <...> Для развития во мне художника отец дал мне всё, что мог»¹⁷.

В пятилетнем возрасте Мстислав уже умел передавать перспективу, а с девяти лет наравне с взрослыми учился в Петербургской рисовальной школе Императорского Общества поощрения

художеств. Через полтора года Добужинский переехал в Кишинёв, на новое место службы отца. С 1889 г. он жил в Вильно, где в 1895 г. окончил гимназию. В его воспоминаниях читаем: «У меня уже была заготовлена студенческая форма. Так как получившему аттестат сомнений в приёме в какой бы то ни было университет не было, то окончившие гимназию обычно в эту форму сразу же облачались»¹⁸.

По желанию отца Добужинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Весь первый учебный год для него «прошёл в сомнениях, в большом безволии и очень подавленном настроении»¹⁹. На следующий год он попытался поступить в Императорскую Академию художеств, но потерпел неудачу, хотя его рисунки и были отмечены И.Е. Репиным.

Продолжая обучение на юридическом факультете, Добужинский снова стал посещать Петербургскую рисовальную школу, а затем, с 1897 г., — частные художественные школы: сначала Н.Д. Дмитриева-Оренбургского, позже — Л.Е. Дмитриева-Кавказского.

В марте 1899 г. Добужинский был исключён из университета за участие в студенческих волнениях, но через месяц восстановлен. Летом он окончил университет с дипломом I степени, но сдавать государственные экзамены должен был в Новороссийском университете в Одессе. Вернувшись в Петербург, в конце сентября обвенчался с Елизаветой Осиповной Волькенштейн (1874–1965), после чего они сразу уехали за границу.

¹⁶ Добужинский М.В. Воспоминания. С. 307.

¹⁷ Там же. С. 23, 26, 27, 30 (выделено М.В. Добужинским).

¹⁸ Там же. С. 108–109.

¹⁹ Там же. С. 124.

²⁰ Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомоногр. М.; Л., 1937. С. 145.

²¹ Чугунов Г.И. Мстислав Валерианович Добужинский. Л., 1984. С. 31.

Для продолжения профессионального художественного образования Добужинский выбрал Мюнхен, который наряду с Парижем был тогда крупнейшим центром современного искусства Европы. Почти два года он занимался в частных школах А. Ашбе и Ш. Холлоши.

Одновременно у этих же живописцев обучались другие русские художники, ставшие впоследствии знаменитыми, прежде всего И.Э. Грабарь, симпатизировавший Добужинскому не только как художнику, но и как человеку. Много десятилетий спустя в своей мемуарной книге Грабарь оставил портрет Добужинского этого периода: *«Он выгодно отличался своей красивой внешностью, холёной бородкой, подстриженной лопаткой, опрятным костюмом и изысканными манерами...»*²⁰.

В Петербург Добужинский с женой вернулся в августе 1901 г. Благодаря рекомендации Грабаря в декабре 1902 г. он стал членом «Мира искусства». Правда, через год объединение фактически распалось, но это *«нисколько не повлияло на художественное единство основных членов <...>. Они продолжали оставаться не только друзьями, но и единомышленниками»*²¹. Совместная выставочная деятельность «мирискусников» возобновилась в 1910 г.²².

Весной 1911 г. Добужинский работал над «Азбукой “Мира искусства”» — акварелями-шаржами наиболее заметных членов объединения, расставленными в алфавитном порядке имён или фамилий. Возможно, работа, состоящая из 21 листа, выполнялась

для будущего издания. Об этом свидетельствует папка, сделанная как эскиз оформления книжного переплёта.

В сентябре 1942 г. в нью-йоркском «Новом журнале» Добужинский опубликовал мемуарный очерк «Круг “Мира искусства”». Он постарался припомнить время, когда существовал журнал, *«бывший источником и центром всего нового в тогдашней художественной жизни»*²³.

Вскоре в папку с акварелями-шаржами был вложен листок со стихотворными подписями и датой: *«М<стислав> Д<обужинский>, 16–27 января 1943, N<ew> Y<ork>»*. К шаржу «Александр Бенуа», открывающему «Азбуку “Мира искусства”», он написал:

Многогранен Бенуа:

Он, творя, разит врага.

Щит искусства Бенуа,

«Мир Искусства» голова.

В 1995 г. «Азбука “Мира искусства”» была куплена дирижером Г.Н. Рождественским на лондонском аукционе «Сотбис»²⁴.

Наиболее полно «магия стиля» Добужинского как художника проявилась в книжной графике, городском пейзаже и оформлении театральных постановок. В них он дал *«главнейшим образом себя, себя самого, своё отношение к предмету, своё к нему внимание, презрение, <...> любовь, своё настроение, свою точку зрения, свою личную, <...> насквозь личную точку зрения, свою душу, свой духовный лик»*²⁵, — пишет впоследствии его близкий

²² Последняя выставка объединения «Мир искусства» состоялась в Париже в 1927 г.

²³ Цит. по: Добужинский М.В. Воспоминания. С. 197.

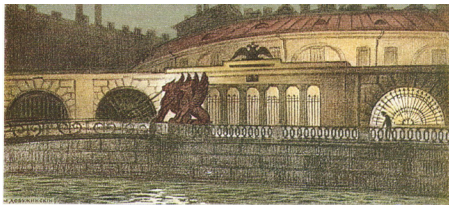
²⁴ См.: Рождественский Г. «Азбука “Мира искусства”» Мстислава Добужинского / [Публ. Г. Рюмина] // Наше наследие. 1997. № 41. С. 112–119.

²⁵ Евреинов Н.Н. Оригинал о портретистах: (К проблеме субъективизма в искусстве). М., 1922. С. 55–56 (выделено автором).

знакомый, театральный деятель Н.Н. Евреинов.

Работу в области журнальной и книжной графики Добужинский начал ещё студентом. В 1897–1898 гг. он исполнил два рисунка для петербургских юмористических журналов либерального направления «Стрекоза» и «Шут». Периодом 1897–1900 гг. датируются 8 листов его иллюстраций к «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского, но эта работа осталась неизданной²⁶.

Вернувшись из Европы, Добужинский в 1902 г. возобновил сотрудничество с «Шутом», выполнив для него несколько десятков заставок, карикатур, иллюстраций и концовок. Его графика успела появиться и в журнале «Мир искусства», последний номер которого вышел в декабре 1904 г.

М.В. Добужинский.
Банковский мост. 1902

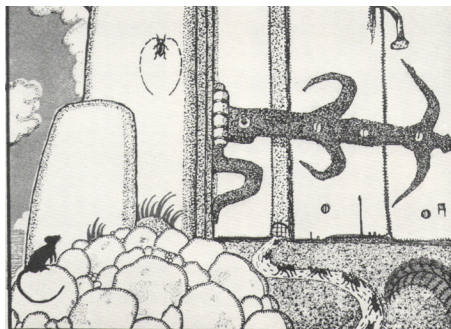
В первой половине 1900-х гг. наиболее заметными работами Добужинского стали художественные цветные «открытые письма» (открытки) с видами Петербурга и Царского Села.

С них началось удивительное особое явление, получившее название «Петербург Добужинского». Поэт, художественный критик и мемуарист

С.К. Маковский напишет о нём: «...волнующая прелесть этой графики в “петербургскости”, одинаково близкой и Достоевскому, и Пушкину, и ...Андерсену. Положительно не знаю, какая нота звучит у него сильнее»²⁷.

В качестве иллюстратора Пушкина Добужинский впервые выступил в 1905 г. с несколькими рисунками к повести «Станционный смотритель»²⁸.

Первым изданием, полностью оформленным художником, стала сказка А.М. Ремизова «Морщинка». Работа была закончена Добужинским 26 марта 1907 г.²⁹ Книжка открыла серию «Детская библиотека» петербургского издательства «Шиповник», созданного по инициативе карикатуриста и издателя З.И. Гржебина, с которым Добужинский познакомился в Мюнхене.

М.В. Добужинский. Иллюстрация
к сказке А.М. Ремизова «Морщинка». 1907

В сказке мышка, которую зовут Морщинка-долгоуска, и её тетушка Алишка-кургузка не только смогли найти своё маленькое счастье — кладовую, «в которой чего-чего не было», но и благополучно вернуться в свою

²⁶ Подробный современный каталог книжной и журнальной графики Добужинского см.: Чуинов Г.И. Указ. соч. С. 257–264.

²⁷ Графика М.В. Добужинского / Текст С.К. Маковского и Ф.Ф. Нотгафта. [Берлин, 1924]. С. 11 (выделено автором).

²⁸ Впервые рисунки Добужинского к «Станционному смотрителю» появились в 1934 г., без всякого участия художника, в отдельном издании повести, выпущенном Всесоюзным внешнеторговым объединением «Международная книга» в Москве.

²⁹ См.: Добужинский М.В. Письма. С. 79 (письмо к В.П. Добужинскому от 27 марта 1907 г.).

«тесную норку». Как и в любой сказке, для этого им пришлось преодолеть множество препятствий: ведь кладовая находилась на горе в Забругальском замке, до которого «чистое поле просторно, <...> за полем топкое болото, <...> за болотом дремучий лес, за лесом быстрая речка, за речкой гора-курган»³⁰.

Добужинский нарисовал обложку, титульный лист и пять цветных страничных иллюстраций. Подобно его ранним петербургским городским пейзажам, «в них опять проявилась способность художника к “двойному зрению”, и это помогло ему отразить дух ремизовской сказки. С одной стороны, в рисунках воспроизведены реальные формы действительности, с другой — этот мир обычных вещей предстал совершенно новым: то смешным и забавным, то жестоким и пугающим. Привычные предметы — придорожная тумба, сахарная голова или гвоздь — воспринимаются как пришедшие из другого мира, даже обыкновенные дверные петли трансформируются в небывалых чудовищ»³¹.

Работа над «Морщинкой» была связана с оформлением Добужинским в это время его первого спектакля по пьесе Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также Прение Живота со Смертью»³² в театре В.Ф. Комиссаржевской. В петербургских театральных кругах постановка наделала много шума. По свидетельству А.Н. Бенуа, на первом представлении вызывали даже «не автора, а Добужинского —

художника, ставившего пьесу. Никогда ещё русская сцена не видела такого внимательного, строго обдуманного и глубоко прочувствованного комментария пластического художника к произведению художника слова»³³.

В том же 1907 г. Добужинский выполнил три иллюстрации — «Рай», «Амуры» и «Лев» — для какой-то детской книжки, предполагавшейся, но не выпущенной петербургским издателем М.Г. Корнфельдтом³⁴.

Следующими иллюстрациями Добужинского в изданиях для детей стали контурные рисунки к басням И.А. Крылова — «Крестьянин и Смерть», «Тришкин кафтан», «Слон и Моська», «Две собаки». В 1908–1910 гг. они постепенно появлялись в третьем и четвертом изданиях книги для чтения петербургского педагога А.Я. Острогорского «Живое слово»³⁵ и в хрестоматии «Цветничок», выпущенной в Москве И.Д. Сытиным. Особенность контурных рисунков заключается в том, что ребенок мог их не только рассматривать, но при желании и раскрашивать.

Дополнительно в «Цветничке» Добужинским оформлен заглавный лист второго отдела. На этой гравюре изображён фантастический ночной пейзаж с месяцем над прудом, летящей на метле ведьмой и сидящей на дереве русалкой.

К началу 1910-х гг. «в русском искусстве книги Добужинский успел приобрести славу первоклассного мастера»³⁶. В 1911 г. искусствовед барон

³⁰ Цит. по: Ремизов А.М. Избранные произведения. М., 1995. С. 63–64.

³¹ Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 62.

³² «Прение Живота и Смерти» — памятник древнерусской литературы XVI века.

³³ Бенуа А. Дневник художника. XII // Московский еженедельник. 1907. 24 дек. № 51/52. С. 71.

³⁴ См.: Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 259.

³⁵ Кроме того, в четвертом издании 3-й части «Живого слова» (1911) помещена черно-белая репродукция с картины Добужинского «Город в николаевское время» («Провинция. 1830-е годы»).

³⁶ Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 119.

Н.Н. Врангель писал о нём в журнале «Аполлон»³⁷: *«Я полагаю, вообще, что Добужинский должен бы сделаться рисовальщиком для детских книг, иллюстратором рассказов, повестей Гоголя, Достоевского, Тургенева, Ремизова. <...> Тихое и постепенное повествование его рисунков кажется разговором той хорошей любимой книжки, что читал в детстве и перечитываешь теперь»*³⁸.

В 1911 г. литературный критик и начинающий детский писатель Корней Чуковский предложил издательству «Шиповник» выпускать журнал для детей. В полной мере задуманное осуществить не удалось, и на следующий год «Шиповником» был выпущен лишь сборник детских произведений современных писателей «Жар-птица».

Позже Чуковский напишет: *«Я давно носился с соблазнительным замыслом — привлечь самых лучших писателей и самых лучших художников к созданию хотя бы одной-единственной “Книги для маленьких”, в противовес рыночным изданиям Сытина, Клюкина³⁹, Вольфа. В 1911 году я даже составил подобную книгу под сказочным названием “Жар-птица”, пригласив для участия в ней А.Н. Толстого, С.Н. Сергеева-Ценского, Сашу Чёрного, Марию Моравскую, а также многих первоклассных рисовальщиков, но книга именно из-за высокого качества (а также высокой цены) не имела никакого успеха»*⁴⁰.

В «Жар-птице» приняли участие художники В.П. Белкин, М.В. Добужинский, Г.И. Нарбут (его фамилия в издании не фигурирует), А.А. Радаков, С.Ю. Судейкин, С.В. Чехонин.

Добужинский дал пять контурных рисунков к рассказу Саши Чёрного «Нолли и Пшик» о приключениях двух кукол девочки Кати. Во время её отсутствия они самостоятельно отправились в путешествие на улице. Вернуться обратно куклы смогли только благодаря помощи кошки Мурки. *«Утром Катя проснулась и всё выпрашивала: “Отчего такие замурзанные? Где вчера были? Под кроваткой искала, в чулане искала, в рояле искала — нигде нет. Где были?” Но Нолли и Пшик как воды в рот набрали, молчат и друг другу подмигивают: “Наше, мол, дело!”»*⁴¹

В сборнике «Жар-птица» имеется ещё один контурный рисунок Добужинского — заставка к стихотворению Саши Чёрного «Поезд» с описанием традиционной детской игры. На рисунке, занимающем целый книжный разворот, изображён ряд стульев и кресел, на которых сидят «машинист» и «пассажиры».

В целом в иллюстрациях к этим двум произведениям Саши Чёрного Добужинский *«проявил себя как законченный мастер и чуткий знаток детской души, сумев дать ряд художественных образов, прекрасно дополняющих содержание текста»*⁴².

³⁷ Редактором-издателем «Аполлона», издававшегося в 1909–1917 гг., был С.К. Маковский. Обложку к журналу выполнил Добужинский.

³⁸ Врангель Н.Н. Мстислав Валерианович Добужинский // Аполлон. 1911. № 2. С. 28, 30.

³⁹ М.В. Клюкин (ум. в начале 1920-х гг.) — московский книгопродавец, детский писатель, издатель сборников сказок и рассказов для детей.

⁴⁰ Чуковский К.И. Современники: Портр. и этюды. Минск, 1985. С. 150.

⁴¹ Жар-птица: Детские сб. изд-ва «Шиповник». Кн. 1. СПб., 1912. С. 35.

⁴² Дульский П., Мексин Я. Иллюстрация в детской книге. С. 54–55.

Помимо работы над уже упомянутой выше «Азбукой “Мира искусства”» и рисунками к «Жар-птице» в 1911 г. Добужинский создал ещё «Азбуку Стивы и Доди». Эта работа не предназначалась для публикации, а имела чисто домашнее употребление. Художник выполнил её для своих сыновей — восьмилетнего Ростислава (Стивы) и шестилетнего Всеволода (Доди). Известно, что азбука состояла из 33 листов⁴³.

В воспоминаниях Добужинский писал об одном из самых ярких своих детских впечатлений: *«Моим любимым удовольствием было слушать чтение моего отца, и одновременно с моим собственным чтением оно продолжалось всё моё детство <...>. Он не боялся возбуждать мою фантазию, и в сказочном мире я жил с маленьких лет. Самыми первыми прочитанными им мне сказками были сказки Андерсена, и его “Огниво”, “Свинопас”, “Оловянный солдатик” и “Соловей” остались милыми и дорогими на всю жизнь»*⁴⁴.

Пройдут годы, и общая симпатия к миру героев датского сказочника поможет Добужинскому сблизиться с Нарбутом и Бенуа, потому что *«вещи имеют свою душу, мы с Бенуа это знали от Андерсена и часто говорили на эту тему»*⁴⁵.

В августе 1912 г. Бенуа писал Добужинскому из Дании: *«Вот бы тебе*

*набрать материалов, а тогда мы устроили бы с Голике*⁴⁶ *издание с твоими иллюстрациями андерсеновских сказок. Это прямо дивная идея!»*⁴⁷ Но реализована она не была. Впрочем, в 1910-е гг. *«различных планов в области книжной графики у Добужинского было множество, но почти все они оказались невыполненными»*⁴⁸.

Ирина Кустодиева⁴⁹, дружившая с детьми Добужинского, вспоминала, как на домашней ёлке в 1912 г. *«Стива, Додя, Верочка»*⁵⁰ *и сам Мстислав Валерианович разыграли сказку Андерсена “Свинопас”. Все дети были в стильных костюмах, а сам Мстислав Валерианович, изображая короля, в картонной золотой короне и мантии, всё время действовал, сидя и передвигаясь на корточках, чтобы не выделяться своим ростом»*⁵¹.

Декорации, костюмы и реквизит к представлению исполнил Нарбут, который *«с увлечением клеил детям бутафорию и расписывал картонных овечек»*⁵². Для него это была единственная в жизни «театральная постановка».

В конце января 1913 г. Добужинский писал жене из Москвы о предложении режиссеров К.С. Станиславского и Л.А. Суллержицкого поставить в Студии Художественного театра «маленькие пьесы» по двум сказкам Андерсена⁵³. Это намерение тогда не осуществилось.

⁴³ См.: Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 260.

⁴⁴ Добужинский М.В. Воспоминания. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 208.

⁴⁶ Р.Р. Голике и А.И. Вильборг — владельцы лучшей типографии в Петербурге в начале XX века.

⁴⁷ Цит. по: Добужинский М.В. Воспоминания. С. 354.

⁴⁸ Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 121.

⁴⁹ Ирина Борисовна Кустодиева (1905–1988) — дочь художника Б.М. Кустодиева, актриса.

⁵⁰ Вера Мстиславовна Добужинская (1901–1919) — старшая дочь М.В. Добужинского.

⁵¹ Воспоминания о Добужинском: [Сб.]. СПб., 1997. С. 106.

⁵² Добужинский М.В. Воспоминания. С. 294.

⁵³ Добужинский М.В. Письма. С. 120.

М.В. Добужинский. Обложка к сказке «Свинопас» Г.Х. Андерсена. 1917

Можно предполагать, что какие-то элементы домашнего представления 1912 г. отразились в оформлении отдельного издания «Свинопаса», выполненном в 1917 г. С неистощимой выдумкой Добужинский сумел воплотить человеческую теплоту и мудрость сказки, «приучая ценить красоту, считая эстетическое воздействие на ум и вкус ребенка важнейшим условием его воспитания»⁵⁴. Эти цветные иллюстрации не осложняют восприятия стилизацией, поэтому идеально подходят для детского понимания. Однако обстоятельства времени сложились так, что рисунки к сказке Андерсена вольно или невольно воспринимались современниками ещё и как пародия на российскую

придворную жизнь. Сам Добужинский на это отнюдь не претендовал, но подобную ассоциацию неизбежно вызвала хотя бы концовка — свиношка, которая разглядывает поверженную в лужу корону и, похоже, размышляет, что это за предмет и может ли он на что-нибудь согдиться.

Впервые «Свинопас» с этими иллюстрациями был выпущен спустя пять лет в издательстве З.И. Гржебина в Берлине. 20 октября 1923 г. Добужинский в письме к искусствоведа Ф. Ф. Нотгафту отметил, что издание имело «потрясающий» успех⁵⁵.

Тем временем в 1918 г. в петроградском театре-кабаре «Привал комедиантов» Добужинский оформил спектакль по сказкам Андерсена «Свинопас», «Цветы маленькой Иды» и «Комета». Поэт, драматург и критик М.А. Кузмин откликнулся рецензией на него: «Редко между двумя художниками может быть такое соответствие. Едва ли можно представить себе другого живописца при имени Андерсен. И если я не ошибаюсь, впервые Добужинский так свежо и полно высказал всю поэзию комнатной жизни, уюта детских, домашней фантазии (без особенной фантастики), трогательности и милого юмора. <...> Но я думаю, что даже поклонники Добужинского удивятся той сердечности, душевности и прелестному остроумию, которые он проявил в «Сказках Андерсена»»⁵⁶.

Продолжил иллюстрировать Добужинский и русскую классику. В 1919 г. петроградское Государственное издательство выпустило отдельное издание повести Пушкина «Барышня-крестьянка», предназначенное

⁵⁴ Липович И. Детская книга Добужинского // Детская литература. 1969. № 3. С. 44.

⁵⁵ Добужинский М.В. Письма. С. 171.

⁵⁶ Кузмин М. Андерсеновский Добужинский // Жизнь искусства. 1919. 29 апр. № 123. С. 1. Цит. по: Кузмин М. Проза: [В 12 т.]. Т. 11. [Oakland, Calif., 2000]. С. 47.

для детского чтения. Добужинский, верный художественным принципам «Мира искусства», оформил эту книгу в технике силуэта, максимально применив его возможности в богатых композициях с намеренно усложнённой, изысканно тонкой линией.

Книгами для детей принято считать и оформленные Добужинским отдельные издания повести «Бедная Лиза» Карамзина и маленькой трагедии «Скупой рыцарь» Пушкина, выпущенные в 1921–1922 г. частным петроградским издательством «Аквилон», организатором и руководителем которого был Ф.Ф. Нотгафт.

Летом и осенью 1924 г. Добужинский подготовил оформление трёх детских книжек, в следующем году вышедших в частных ленинградских (петроградских) издательствах.

Прежде всего, это сборник О.Э. Мандельштама из 14 стихотворений о разных привычных вещах городского домашнего быта 1920-х гг. Спустя три десятилетия художник вспомнил в письме к С.К. Маковскому о Мандельштаме: «... я встречался с ним в 1922 и 23 г. и с большим удовольствием нарисовал иллюстрации к его дурашливым и очаровательно милым стихикам для детской книжки “Примус” (они были очень “вдохновительными”)»⁵⁷.

О более конкретных сроках работы имеется упоминание в письме Д.И. Митрохина к искусствоведу П.Д. Эттингеру от 13 сентября 1924 г.: «Слышал, что М. Добужинский делает рисунки к детской книжке О. Мандельштама “Примус” в издательстве “Время”»⁵⁸.

Книжка вышла в 1925 г. Среди иллюстраций выделяется виньета на обороте титульного листа с изображением страуса, спрятавшего голову под крыло, потому что вокруг него летают стрелы. Микроскопическими буквами на виньете написано по-французски: «À mes petites amies Grethe et Ruth» («Моим маленьким друзьям Грете и Рут»). Возможно, это были дети каких-то прибалтийских друзей Добужинского.

«Весёлая азбука» выпущена в 1925 г. знаменитым издательством «Брокгауз — Ефрон».

Это предприятие было основано в апреле 1889 г.⁵⁹ совместно петербургским типографом И.А. Ефроном и лейпцигской издательской фирмой «Ф.А. Брокгауз». Главнейшим его проектом стал вышедший в 1890–1907 гг. многотомный «Энциклопедический словарь». Из других изданий дореволюционного периода выделяется прекрасно иллюстрированная «Библиотека великих писателей». Её составили собрания сочинений нескольких русских и европейских классиков.

После революции заметной частью деятельности издательства стал выпуск книг для детей. Помимо Добужинского в 1920-е гг. здесь сотрудничали художники Б.М. Кустодиев, его сын Кирилл, В.П. Белкин, В.М. Конашевич, Владимир Николаевич Талепоровский и другие. В 1930 г. издательство прекратило своё существование в России.

В публикациях воспоминаний и переписки, относящихся к Добужинскому, нет свидетельств о причинах появления и сроках подготовки «Весёлой азбуки»⁶⁰. Сейчас об этом можно судить

⁵⁷ Добужинский М.В. Письма. С. 312 (письмо к С. К. Маковскому от 17 ноября 1955 г.).

⁵⁸ Книга о Митрохине: Статьи; Письма; Воспоминания. Л., 1986. С. 142.

⁵⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее: ЦГАЛИ СПб.). Ф. 236. Оп. 1. № 15. Л. 7 (заявление об обороте, 1925 г.).

⁶⁰ Упоминаний о Добужинском и «Весёлой азбуке» нет и в известной части архива издательства «Брокгауз — Ефрон» за 1920-е гг.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 236. Оп. 1. № 15. Л. 28, 29 об., 29, 28 об. (список авторов, сотрудничавших в издательстве, и финансовые отчеты до 1925 г.).

только по самим рисункам. На двух из них («Злая птичка» и «Пыль») художник поставил точные даты окончания работы — 29 сентября 1924 г.

М.В. Добужинский.
Обложка к «Весёлой азбуке». 1924

В рекламных каталогах издательства книжка впервые упомянута в марте 1925 г.⁶¹ Но в отличие от других изданий детского списка продажная стоимость её здесь ещё не обозначена. Цена в 1 рубль 25 копеек указана в следующем каталоге, который удалось разыскать, — за октябрь этого года⁶². Следовательно, «Весёлая азбука» была выпущена не ранее апреля 1925 г.

На обложке учёная сова-писательница с гусиным пером восседает на солидных томах, в какой-то мере напоминающих об «Энциклопедическом словаре». Интересен прием художника для точного обозначения

своего личного участия: «Рисовал» М. Добужинский». Первое слово сокращено, но буква «а» находится в клюве у птички, букву же «л» представляет раскрытая книга, покрывающая голову мудрой совы.

На обороте титульного листа изображён автошарж: Добужинский с палитрой и кистями удобно устроился на слоне-очкарике, который хоботом держит листок с надписью: «Посвящаю мои рисунки Валерику». Это сын сводного брата художника Игоря Валериановича (1884–1920). Он родился в Риге 22 марта 1918 г. и после смерти в 1921 г. матери, Марии Власенко, был усыновлён М.В. и Е.О. Добужинскими.

Таким образом, становится понятна глубинная причина появления «Весёлой азбуки» — она была своеобразным «подарком» шестилетнему мальчику, который уже достаточно бегло умел читать, но только начинал учиться писать. Поэтому каждый из 29 основных рисунков окаймлён рамкой, составленной из различных вариантов написания той или иной буквы.

В рисунках и стихах азбуки разработаны традиционные темы, понятные и интересные детям младшего возраста, которые через игру уже начинают активно познавать реальную жизнь.

Некоторые рисунки и стихи вполне могут отражать яркие события, случившиеся в жизни Валерика. Так, например, акробата он наверняка уже успел увидеть на дневном представлении в цирке, живописца (конечно, самого Добужинского) постоянно наблюдал за работой дома, страшную маску, из-под которой сияют его глазки, надевал на традиционной домашней ёлке.

⁶¹ См.: Каталог издательства «Брокгауз — Ефрон». Март 1925 г. Л., [1925]. С. 17.

⁶² См.: То же. Октябрь 1925 года. Л., [1925]. С. 5.

Совсем актуальной была иллюстрация «Наводнение». Дело в том, что 23 сентября 1924 г. в Ленинграде произошло катастрофическое наводнение, на максимуме которого вода поднялась на 380 см выше ординара. На несколько часов был затоплен и Васильевский остров, на 11-й линии которого жили Добужинские.

Как известно, Петербург, основанный на островах дельты Невы, подвержен регулярным наводнениям. С XVIII века уровень подъема воды во время самых значительных из них даже принято отмечать особыми памятными табличками на стенах домов⁶³. Катастрофические наводнения в Петербурге происходят приблизительно раз в столетие.

М.В. Добужинский.
Иллюстрация к «Весёлой азбуке». 1924

Иллюстрация Добужинского воскрешает в памяти наводнение 7 (19) ноября 1824 г., увековеченное в поэме Пушкина «Медный всадник» (1833). Тогда вода поднялась до 421 сантиметра выше ординара, и люди могли свободно плавать на лодках по улицам. Об этом наводнении напоминает табличка на стене нарисованного дома, хотя и с намеренным исправлением даты на один день. Такие таблички установлены на нескольких зданиях города, но нельзя сказать, что на рисунке изображён какой-то конкретный дом.

Такой подход был отличительной особенностью городских пейзажей Добужинского. При этом не имеет значения, предназначен рисунок для детской книжки или же речь идёт о таких непревзойдённых шедеврах книжного искусства, как альбом литографий «Петербург в 1921 году», иллюстрации к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» (Петроград: Аквилон, 1923) или же к пушкинскому роману в стихах «Евгений Онегин» (Брюссель: Петрополис, 1938). Кстати, последние в неполном составе были воспроизведены в отдельных изданиях «Евгения Онегина», выпущенных московским Гослитиздатом (1944 и 1947), причём неудачно, поскольку клише для них готовились не с оригиналов, а с зарубежных перепечаток. Это не просто огорчило художника — его привела «в отчаяние мысль, что о нём, о его творчестве в России будут судить по этим образцам клишарного брака»⁶⁴.

По свидетельству живописца и графика А.С. Шендерова, самого писавшего

⁶³ См.: Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справ. СПб., 1999. С. 407–418.

⁶⁴ Цит. по: А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: Кат.-справ. / Сост.: И.Н. Врубель, В.Ф. Муленкова. Т. 1. М., 1987. С. 89.

городские пейзажи, «Добужинский никогда не старался воспроизвести на своих полотнах дом, лицо или пейзаж так, чтобы они были похожи <...>. Главную свою цель он видел в том, чтобы отчётливо показать внутренний облик того, что он писал, чтобы передать душу того или иного изображения. Дом, лицо или пейзаж интересовали его не только своими внешними очертаниями, но, главным образом, внутренним содержанием. Больше того, он никогда не заботился о внешней похожести, она появлялась у него сама собою, когда он стремился уловить внутреннюю основу того или иного объекта»⁶⁵.

В иллюстрации «Наводнение», входящей в состав «Весёлой азбуки», есть и типичная деталь, подмеченная опытным глазом художника. Это кошка, спасающаяся на хорошо узнаваемом старинном петербургском газовом фонаре. Таким же воспоминанием о былом потопе выглядит описание в повести Е.И. Замятина «Наводнение» (1929): «Софья взглянула в окно и увидела: там, где была улица, теперь неслась зелёная, рябая вода; медленно поворачиваясь, плыл чей-то стол, на нём сидела белая с рыжими пятнами кошка, рот у неё был раскрыт — должно быть, мяукала»⁶⁶.

Любопытен рисунок Добужинского и характерным для него юмором, состоящим в умении совмещать разнородные элементы. Кажется, кошка, несмотря на всю сложность своего положения, с интересом наблюдает за рыбаком, сидящим с удочкой в лодке под парусом, а на первом плане по пояс в воде беззаботно идёт человек, попыхивая трубой.

Даже если бы в «Весёлой азбуке» работы художника воспроизводились без подписей, его манеру можно было легко распознать по двум петербургским иллюстрациям: «Наводнение» и «Фонарь», в котором присутствует излюбленная тема городского пейзажа у Добужинского — брандмауэры (глухие стены) петербургских доходных домов.

Не менее интересен заключительный рисунок «Весёлой азбуки» — три наиболее распространённые буквы старого русского алфавита помещены под стеклянный колпак, то есть в своеобразную «кунсткамеру». На потрескавшемся постаменте едва держится покосившаяся табличка с инвентарным «№ 1917».

Рисунок стал откликом на реформу русского правописания, подготовка которой началась ещё в 1904 г. с целью сократить количество орфографических правил, не имевших опоры в произношении. Официально реформа была объявлена 11 (24) мая 1917 г. постановлением Временного правительства. Однако в результате бурных революционных событий декрет об окончательном введении новых правил орфографии был опубликован 23 декабря 1917 (5 января 1918) г. за подписью уже советского комиссара по просвещению А.В. Луначарского.

Наиболее заметно реформа проявилась в исключении из алфавита букв *ять*, *Ѡ* (*и десятеричное*) и замене буквы *Ѳ* (*фита*) на *Ф*. При этом в официальных документах реформы ничего не говорится о судьбе буквы *Ѳ* (*ижица*), вышедшей из практического употребления задолго до 1917 г. и сохранившейся только в отдельных

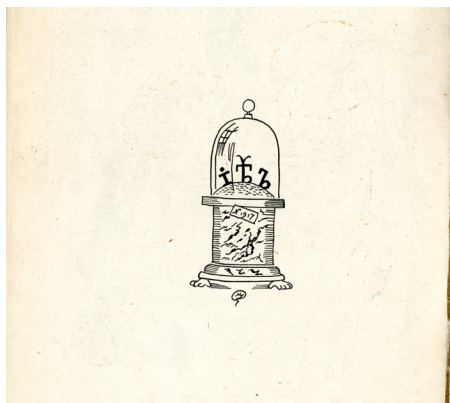
⁶⁵ Воспоминания о Добужинском. С. 81.

⁶⁶ Цит. по: Замятин Евг. Сочинения: [В 4 т.]. Т. 2. [München], 1982. С. 123.

словах церковнославянского языка. Создаётся впечатление, что разработчиками реформы *ижица* попросту была забыта.

Буква **Ъ** (*твёрдый знак*) до реформы называлась *ер* и по традиции в основном обозначала на письме твердость согласного в конце слов. В новом русском алфавите эта буква была сохранена только как разделительный знак. Однако в 1918 г. из большинства типографий литера **Ъ** сгоряча была убрана совсем. Быстро восстановить её оказалось технически сложно, и при наборе стали использовать апостроф: *под'ём, ад'ютант, раз'езд* и так далее.

М.В. Добужинский.
Концовка к «Весёлой азбуке». 1924

В книгах для младшего детского возраста подобное написание, разумеется, было нежелательно. Возможно, поэтому в четверостишиях «Весёлой азбуки» нет ни одного слова с буквой **Ъ**.

К началу 1930-х гг. «права» твёрдого знака в русском алфавите были полностью восстановлены.

Впоследствии композицию этого рисунка Добужинского переняли художники, иллюстрировавшие сказку Андерсена «Принцесса на горошине», в конце которой говорится: «А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл». Ещё в 1954 г. концовку с колпаком, внутри которого на подушечках лежит горошина, изобразил В.М. Конашевич⁶⁷, в 1990 г. — Г.В. Траугот⁶⁸.

Кто именно написал стихи к «Весёлой азбуке» — не ясно. Постоянно повторяющиеся в литературе сведения, что это была биолог и детская писательница Нина Михайловна Павлова (1897–1973)⁶⁹ не соответствуют действительности, поскольку точно известно, что её первое произведение — рассказ для детей «Рекордный снимок» был опубликован лишь в 1935 г.⁷⁰

Возможно, автором четверостиший была поэт и литературный критик Надежда Александровна Павлович (1895–1980), автор воспоминаний А.А. Блоке. Она подписывалась как собственной фамилией, так и псевдонимом «Михаил» Павлов». В 1920-е гг. Н.А. Павлович выпустила в издательстве «Брокгауз — Ефрон» ряд детских книжек, в том числе одну под заглавием «Ванины гости». Оформление книжек Н.А. Павлович выполнял в основном Б.М. Кустодиев — ближайший друг Добужинского.

⁶⁷ Первая публикация: Андерсен Г.Х. Сказки. М., 1954. Также см.: По дорогам сказки: Кн. графика В. Конашевича из частной коллекции: Кат. выст. в ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2015. С. 223.

⁶⁸ См.: Андерсен Х.К. Сказки / Ил. Г.В. Траугот. М., 1990.

⁶⁹ См.: Чугунов Г.И. Указ. соч. С. 173 (в тексте), 177 (подпись к ил.); Добужинский М. В. Письма. С. 21; Казьмин О.В. Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957) // Добужинский М.В. Тамбовские впечатления: «Здесь я начинал себя чувствовать художником...». Тамбов, 2001. С. 11.

⁷⁰ См.: Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. справ., 1934–1981 / Авт.-сост.: В.С. Бахтин, А.Н. Лурье. Л., 1982. С. 229.

Нельзя исключить и того, что в 1920-е гг. в Петрограде (Ленинграде) действительно жил и работал под своим именем некий доселе неизвестный историк литературы Михаил Павлов, автор нескольких популярных пропагандистских брошюр⁷¹. Некоторые стихи «Весёлой азбуки», к примеру «Градусник»:

*Градусник, градусник,
Никакой мне радости!
Даже выйти я боюсь,
Разболится снова флюс, —*

могут быть сопоставлены с четверостишиями Мих<аила> Павлова в книжке-раскраске «Сельский труд» (например, «Сеятель»):

*Сею, сею я пшеницу,
Пусть растёт и колосится,
Чтоб на нашей улочке
Был пирог да булочки⁷².*

Как бы то ни было, в целом «Весёлая азбука» представляет собой гармоничное сочетание текста и оформления. Несомненно, это делает её одним из заметных явлений в истории русской детской книги первой четверти XX века.

Последней законченной работой Добужинского на родине стало оформление сказки «Бармалей» Корнея Чуковского. По свидетельству графика и гравера Г.С. Верейского, обложку к этому отдельному изданию Добужинский успел окончательно завершить только

в последнюю ночь перед отъездом в эмиграцию⁷³.

Сказка была выпущена в 1925 г. издательством «Радуга». Как вспоминал сам Чуковский, «в работе над книжкой М<стислав> В<алерианович> принимал гораздо большее участие, нежели просто художник. <...> Вместо того чтобы делать рисунки к уже готовому тексту, как это обычно происходит, М. В. сначала рисовал, а я потом писал стихи к рисункам. Это был единственный подобный случай в моей писательской работе. Добужинский по натуре “сказочник”, недаром он очень любил Андерсена, и он мне признавался, что рисунки к “Бармалею” были для него душевным отдыхом»⁷⁴.

О том, что оформленное им издание вмиг стало сверхпопулярным и в 1926–1929 гг. допечатывалось четыре раза, художник узнал далеко не сразу⁷⁵.

М.В. Добужинский. Обложка к сказке «Бармалей» Корнея Чуковского. 1924

⁷¹ Брошюры М. Павлова: Дома и в гостях: (Наши игры). Л., 1929; Христос из Вырицы: (О Чурикове и чуриковцах). М.; Л., 1929; Кумир толпы на советском стадионе. М.; Л., 1930.

⁷² Сельский труд: Рис. для раскрашивания Б. М. Кустодиева; Стихи Мих. Павлова. Л., 1925. С. 5. Издание было отпечатано до марта 1925 г.

⁷³ См.: Воспоминания о Добужинском. С. 50.

⁷⁴ Там же. С. 103–104.

⁷⁵ См.: Добужинский М.В. Письма. С. 225, 229.

Литовские корни позволили Добужинскому в апреле 1924 г. официально получить гражданство Литвы, и он с семьей стал готовиться к отъезду из России, в которой, по его словам, уже давно «настроение складывается под уклоном к некоему примирению перед роком»⁷⁶.

1 декабря 1924 г. Добужинский с семьей навсегда покинул Россию. До войны он жил в Европе, занимаясь в основном постановками для театров Риги, Каунаса, Парижа, Берлина, Копенгагена и многих других городов.

Последним изданием для детей, вышедшим с оформлением Добужинского, стала сказка Ю.К. Олеси «Три толстяка». Книгу выпустило в 1928 г. московское кооперативное издательство «Земля и фабрика», руководителем которого был поэт и журналист В.И. Нарбут, брат художника Г.И. Нарбута.

Добужинский выполнил для этой книги цветные обложку и 25 иллюстраций, вложив в них всю «свою душу мечтателя, сказочника, фантаста, свою любовь к увлекательному яркому зрелищу, свою привязанность к острому гротеску»⁷⁷.

Правда, у осуществлённого замысла русской «Весёлой азбуки» есть своего рода двойник — литовская «Азбука» 1932 г., задуманная по этому Людасом Константиновичем Гира. В 1997 г. макет предполагавшегося издания хранился в собрании наследников Л.К. Гира и его супруги Брониславы Игнатъевны Гирене — это обложка и 60 рисунков,

исполненных Добужинским тушью на бумаге⁷⁸.

Б.И. Гирене вспоминала, что идея выпуска литовской «Азбуки» принадлежала её мужу, который «и пригласил Мстислава Валериановича участвовать в её создании, на что он с большой готовностью согласился и вскоре исполнил все многочисленные рисунки для этой книжки. И вот тут, в этих рисунках, раскрылась та душевная детскость, которая так очаровывала всех его друзей. Многие рисунки к «Азбуке» просто превосходны, но, к сожалению, книжка не была издана, и рисунки так и не увидели света»⁷⁹.

22 июля 1939 г. Добужинский уехал в США, где продолжал работать над театральными постановками и интерьерами, но к работе над книжной графикой, насколько известно, больше не обращался. С 1952 г. он почти постоянно опять жил в Европе.

Скончался Мстислав Валерианович Добужинский от разрыва сердца 20 ноября 1957 г. в Нью-Йорке и похоронен на кладбище в Сент-Женевьеве-де-Буа.

Валериан Игоревич Добужинский — Валерик, которому посвящена «Весёлая азбука» — стал в эмиграции художником-декоратором. Он умер в Париже 2 марта 1997 г.

В советской России среди множества выходивших в 1920-е гг. азбук выделяется «Азбука пионера» В.А. Каринского. Это чёрно-белое, с цветной обложкой издание можно считать пропагандистским антиподом «Весёлой азбуки» Добужинского.

⁷⁶ Добужинский М.В. Письма. С. 176 (письмо к неустановленному лицу от 24 декабря 1923 г.).

⁷⁷ Липович И. Детская книга Добужинского. С. 44.

⁷⁸ См.: [Чугунов Г.И.]. Примечания // Воспоминания о Добужинском. С. 281–282.

⁷⁹ Воспоминания о Добужинском. С. 117.

Некоторые четверостишия в «Азбуке пионера» тоже достаточно «весёлые», если, конечно, читать их с высоты времени. Например, на букву **Д**:

*Должен каждый член звена
Исполнять обычаи:
Не курить, не пить вина,
Соблюдать приличие⁸⁰.*

Действительно, пионерская организация появилась только в 1922 г., и тогда, по словам Н.К. Крупской, происходило ещё «много спора, надо ли создавать какую-либо особую детскую организацию, как ею руководить, что она должна делать»⁸¹. Название же «Весёлая азбука» у книги для первоначального детского чтения в следующий раз появилось в разгар Великой Отечественной войны — в 1943 г. была издана «Весёлая азбука» С.Я. Маршака с иллюстрациями Н.Э. Радлова. Соблюдая такт и меру

по отношению к маленьким читателям, поэт в цепочке алфавитных двустиший сумел соблюсти необходимое равновесие между героическим пафосом и традиционными детскими темами:

*Жук упал и встать не может.
Ждёт он, кто ему поможет. <...>*

*Юный летчик, будь героем,
Южный полюс мы откроем!..⁸²*

О том, стали ли «Весёлые азбуки» Добужинского и Маршака изданиями на все времена или же только памятниками искусства русской детской книги первой половины XX века, предстоит судить современным родителям и их детям, запоминаям начертания букв и постигающим на примере оригинальных стихотворений азбучные истины жизни.

⁸⁰ Каринский В., при сотрудничестве А. Масленникова и худож. Ром'а. Азбука пионера / Худож. монтаж М. Мурашева. [М.], 1925. С. 7.

⁸¹ Крупская Н.К. Письма пионерам / Ил. Д. Мочальский и Б. Булгаков. М., 1962. С. 10.

⁸² Маршак С. Весёлая азбука / Рис. Н. Радлова. [М., 1943]. С. 7, 9. В более поздних изданиях (см., например: Маршак С. Сказки, песни, загадки. М., 1957. С. 214) второе двустишие заменено: «Юнга — будущий матрос / Южных рыбок нам привез».

Е.Б. Белодубровский

ТРИ ПРОГУЛКИ С ДМИТРИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ЛИХАЧЁВЫМ

На самом деле их было чуточку больше, чем я горжусь...

Прогулка первая. «И “Зингер” весело поёт...»

В начале 1970-х гг. на шестом этаже Дома книги регулярно проводились заседания Ленинградского общества библиофилов. И это были не просто «заседания» в привычном смысле этого слова — это были «встречи посвящённых», *встречи с Книгой и во имя Книги* — на самом высшем уровне... Причём на каждой встрече тот, кто представлял редкую книгу, рукопись или даже свою домашнюю библиотеку — сам собственной персоной был этой самой редкой книгой или манускриптом.

М.С. Лесман, Е.Д. Петряев, Я.Б. Рабинович, М.Л. Козырева, А.Д. Люблинская, Ю.Д. Маретин, М.М. Фишелев, М.С. Альтман, М.Н. Щейнкман, Т.А. Быкова, П.Н. Берков, А.В. Вейс, В.А. Мануйлов, Л.И. Борисов и непременно — С.В. Белов. Именно он привёл меня первым к Д.С. Лихачёву, и я ему (Белову) как говориться «по гроб жизни» благодарен есть и буду. Хотя пути наши разошлись...

Непременным посвящённым (и одним из самых просвещённых) членов этого святого содружества знатоков, поклонников и любителей Книги был долгие годы и Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Я старался не пропустить ни одного заседания с его участием.

Одно из таких «лихачёвских» заседаний кончилось довольно поздно, всем хотелось после доклада лично переговорить с ним, подписать книгу, передать рукопись, высказать просьбу или просто пожать руку... Многие ли теперь помнят, что одно только присутствие в Ленинграде и среди нас Дмитрия Сергеевича охраняло и наш город и нас от неусыпных местных и столичных сторожей и добровольных теле- и радиосоглядатаев примитивной официальной морали, составляло гордость и веру, что наступят иные времена и что «Петербургу не быть пусту...».

Это было осенью. Тёплый вечер. Я был одним из последних, кто отважился проводить Дмитрия Сергеевича до трамвая. Мы долго спустились вниз к «чёрному выходу» на Канал.

Оказавшись у самых дверей, Дмитрий Сергеевич вдруг обернулся ко мне и сказал: «Я помню, наш учитель в Гимназии Мая, кажется, его фамилия была Кораблёв, принёс на урок старую газетку и прочитал из неё рекламу швейной машинки “Зингер”... И этого Дома. В стихах! Нас тогда учили писать стихи... Едва ли с первого класса... Это были довольно примитивные и лёгкие стихи, но к концу его чтения нам всем стало почему-то очень не по себе, грустно, картинка оказалась-то не просто рекламной... Помню только одну строку: “...и Зингер весело поёт...” Автором, кажется, был Агнивцев... Вот бы найти их...». Прошло несколько лет.

И стихи эти нашлись, и газетка. Она называлась «**Я знаю всё**».

Я переписал стишата от руки и, что называется, «прямо с колёс», вернувшись домой вечером из Публички (как до сих пор среди завсегдаев

называется РНБ), зачитал целиком Дмитрию Сергеевичу по телефону. До сих пор удивляюсь своей смелости — позвонить самому, но я знал, что это ему дорого!!! Так оно и оказалось, более того — это было накануне его дня рождения (тут тоже была моя задумка)...

И хотя автором этого текстика был отнюдь не Николай Агнивцев, но и он — Агнивцев Великолепный, был действительно в числе постоянных авторов этой рекламной газетки... Так что Д. С. не был далёк от истины...

Картинка с натуры

*В углу шестого этажа
Родная нам картина:
Огонь мерцает, чуть дрожит,
И вертится машина.
Бесшумно вертится челнок,
И нитки шепчут вести —
Тебе пальто я шью, сынок,
За труд, достойный чести.
В мансарде швейка к свадьбе шьёт
Для барина сорочку,
И «Зингер» весело поёт,
Доставшийся в рассрочку...
В подвале жизнь полна трудом,
Отец горбат и болен.
Надежда — в сыне молодом,
Но тот с работ уволен.
В семье критический момент.
Чем жить — нужда мучает!..
«Тук-тук»... От «Зингера» агент
Машинок предлагает.
В рассрочку взнос не торопясь,
И мать с утра до ночи
Шьёт, над машинкою склонясь,
Приданое для дочки.
В весёлой шумной мастерской
Чьи руки ждут награды,
Бесшумно «Зингер» день-деньской
Шьёт дамские наряды.
На томный бархат льётся шёлк,*

*Узорит платья женщинам.
Заказ окончен — «Зингер» смолк,
И труд наградой венчен.
Где «Зингер» есть — отрадно
жить!
Он гонит грусть-кручину,
Имеем честь Вам предложить
От «Зингера» машину.*

Прогулка вторая

После моего рассказа о новонайденном рекламном стихотворении, посвящённом Дому Зингера, и упоминания Николая Агнивцева, Дмитрий Сергеевич напомнил мне и про здание рядом — про Дом Эйлерса... Вернее — про его знаменитый цветочный магазин. Ведь у Агнивцева даже есть стихотворение... И далее Дмитрий Сергеевич сказал, что он Агнивцева иногда ставит выше даже Саши Чёрного, на что я ему пытался смиренно возразить. Он даже добавил (с улыбкой), что когда придёт время и многое изменится, одной из улиц или набережных он присвоил бы имя Николая Агнивцева, по крайней мере, попытался бы убедить городские власти...

Примечания, или Мечтатели и филантропы с Екатерининского канала (по страницам газетки «Я знаю всё»)

1913 год. Петербург.
Последний благополучный год...
Вся Империя и Дом Романовых готовятся к празднику трёхвекового тезоименитства. Страна подводит итоги. И — смотрит вперёд. А куда же ещё прикажете смотреть? Делаются прогнозы на пять, десять, пятнадцать лет, статистики дают цифры: сколько надо нефти, кому, сколько и за сколько запродать выгодно зерно, стали, пушнины, сёмужки, икорки, золотишка.

И чего закупить, однако... Заводы работают на всю катушку. Рубль стоит крепко... Повсюду мелькают молодые лица в новых мундирчиках медиков, землемеров, путейских или горных инженеров... Европа лояльна... Границы — уважаемы и прозрачны, армия и флот — после позора 1905 г., обеспечены фуражом, кальсонами, броненосцами и минами аж на полвека... А с другой стороны: демократия. Либеральная Дума, вполне толковое правительство, терпимая властями и Департаментом полиции... Тут и разнопартийность, театр и пресса — почти свободны, журналов, газет и издательств тьма-тьмущая, суды — почти справедливы, благотворительность, меценатство, просветительство — становится нормой, церковь — принципиально отделена и живёт-поживает своей грешной жизнью, алкая истины на Небесах... Что же ещё желать... Конечно, это не сахар, не всем. Не всем хорошо и живётся весело, вольготно на Руси, есть и процветает по-прежнему «в низах» дикое пьянство, и разбой, и темнота, и убийственная нетерпимость к русским иноверцам... Но всё-таки жить, учиться и выучиться всякому желающему — такого ещё можно; и даже средний российский человек ещё имеет надежду кое-что скопить. И на свадьбу, и на лето на водах... И на чёрный день. И на похороны... Однако человеку всегда хочется лучшего, лучшей жизни, жизни ещё более и действительно достойной... Как известно, с начала XVIII века и далее в Петербург из разных концов Европы потянулись тысячи и тысячи иностранцев... Кто зачем! Кто ради приложения своих творческих сил и таланта

на невских просторах; кто, уповая на статус столицы, в поисках карьеры и чинов, а кто и просто — заработать и открыть собственное дело...

Так именно (или почти так) появилось и основательно прижилось здесь семейство Ниттнер. Не знаю, кто они были и откуда: то ли немцы, то ли поляки, или на иной конец — кто-то ещё, но только были они, как и большинство подобного приезжего народа, люди тогдашней столице полезные, инициативные и работающие...

Последний из сего семейства («последний» — надо полагать, перед залпом «Авроры») был промышленник Ниттнер, Станислав Юлианович, и его жена Станислава Иосифовна (урождённая Шершень), открывшая в своей квартире за номером 45, в доме 27 по Екатерининскому каналу (что насупротив внушительного здания бывшего Государственного банка) домашнюю польско-немецкую столовую... Что же касается самого Станислава Юлиановича, то и он, помимо своего главного поприща, основал (по тому же адресу) в самом конце 1912 г. небольшое экспортно-импортное рекламное агентство по найму рабочей силы. И при нём скромный летучий «осведомительно-справочный» листок, посвящённый интересам торговли и промышленности под названием **«Я знаю всё»**...

В одном из номеров сего фамильярного листка С.Ю. Ниттнера появился ниже публикуемый фельетон петербургского журналиста С.А. Чацкого (псевдоним журналиста Станислава Аркадьевича Устиновича).

Предлагаю этот интереснейший и фантастический текст о Петербурге 1913 г.

МЫСЛИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРОГРАДА

Если действительность мрачна и малообещающа, фантазия — единственный исход для мыслящего элемента; так ухватимся же за эту соломинку и хоть на мгновение представим себя европейцами.

1923 год — год окончания полномочий состарившихся гласных петербургской Думы. Отчёт достигнутого действительно составлен и опубликован во всеобщее сведение.

Что же мы теперь видим в нём?

Петербург изрезан вдоль и поперёк сетью рельсовых путей, по которым мчатся трамваи, соединяющие центр города с отдалёнными пригородами, в оживлённых пунктах столицы воздушные провода заменены подземными, давка при посадке и высадке — предание старины, ибо у каждой остановки имеются столбы, на которых книжки с отрывными купонами, очередными номерами, по которым вежливые кондуктора впускают пассажиров, не позволяя войти лишнему и строго следя за тем, чтобы очередь не нарушалась.

Рядом с трамваем мчатся автобусы, имеющие то преимущество, что проходят по самым узким и захолустным улочкам, где не проведён рельсовый путь.

Море света заливает Петербург — причём окраины освещены также ярко, как и центр; керосиновые коптилки исчезли и являются забытком старины.

Удобные фиакры заменили архаических «Ванек». Чисто одетый кучер явился на смену грозному извозчику.

Таксомоторы обязательны, и публика, сознав удобство этого аппарата, заставила возниц строго придерживаться этого нововведения.

Чистые и удобные автомобили заполнили улицы. Причём такса за проезд в них одинакова с таксой фиакров.

Улицы, вымощенные асфальтом, тротуаром и плитками — заменили булыжник; собранный со всего Петербурга, он пошёл на засыпку Екатеринского канала, превратившись в великолепную аллею величайшего русского писателя в мире.

Нищих нет. При каждой части «Домá Трудолюбия», где бездомному даётся возможность жить до приискания места и заработать себе на хлеб насущный.

Площади превращены в сады, где петербургская детвора резвится вокруг фонтанов, а родители мирно беседуют в тени цветущих лип...

Муниципальные оркестры улаживают слух неимущих обывателей концертами по праздникам.

Процент смертности упал до минимума, ибо Петербург снабжён источниковой водою.

На предметы первой необходимости назначены цены самою Думою.

Поливанье улиц от обывателей дворниками заменено мытьём мостовых по утрам специальными машинами.

Обезображившие город и заражавшие воздух заводские трубы из черты города снесены, и все заводы перенесены в один из пригородов, где образовался, таким образом, второй заводской Петербург.

Канализация уже закончена. Обводный канал обрамлён гранитною рамкою, вычищен и углублён, и набережная его, прекрасно освещённая и усаженная деревьями — самое безопасное и самое излюбленное место для прогулок горожан.

Здание Городской думы — нечто неопределяемое по красоте и грандиозности. Надзор за лавками, рынками — самый бдительный. Телефонные

автоматные будки по всему городу. Электрическая энергия отпускается обывателям по минимальной расценке. Город внимательно относится ко всем жалобам недовольных чем бы то ни было и старается удовлетворить все возможные просьбы. Петербург в полном смысле слова — столица Европы, город культурный, чистый, и здоровый. Да. Всё это могло бы быть, если бы не было того, что есть. Вздохнём тяжко и успокоимся.

Никакого комментария, кроме досады, удивления, уныния и невозможности ни умом ни сердцем — *ничем* понять — зачем действительно, и почему, да и ради чего вообще выстрелила «Аврора» этим своим холостым большевистским залпом по мирному Зимнему дворцу и повернула нашу историю к смуте, сталинщине и стольким жертвам...

Прогулка третья

— Какой самый необычный дом на Невском? — спросил я Дмитрия Сергеевича, явно намекая на Аничков или на Строгановский дворцы. Мы стояли на площадке знаменитой на весь мир гранитной лестницы бывшей Петроградской Думы, у самого парапета, откуда виден почти весь Невский в обе стороны... Было тепло,

и даже солнечно. Мы ждали машину академика, Р.С. Милонов — мой начальник по Фонду культуры, поручил мне помочь Дмитрию Сергеевичу...

— Дом Коссиковского... «Баррикада»... — был ответ. — Не удивляйтесь. Причудливый «Сумасшедший корабль», прозванный так Ольгой Форш, проживавшей в нём по соседству с Осипом Мандельштамом...

Я, как и очень многие из нас, конечно, хорошо знал этот елисейский дом, его историю, я сам, даже и не раз и не два, бывал внутри, в сопровождении его давних жильцов и посетителей: Иды Исаковны Слонимской, Натальи Александровны Султановой-Гвоздевой, поэтессы Иды Наппельбаум, Арсения Смоленевского, сына поэтессы Ольги Ваксель.

Ведь это дом без углов. Он каким-то вычурным овалом и не совсем правильной формы словно выбегает на проспект и, тем не менее, не нарушает ритм всего, что рядом, вокруг, не нарушает симфонии, стройный вид Невского проспекта. И у дома этого, вдобавок, — сразу три адреса. У одного дома, представляете (это слово «представляете» я помню и в иных случаях, он поизносил его, сопровождая улыбкой. — Е. Б.): угол Мойки, Невского и Герцена, пишете на все три адреса, а придет сюда...

В.Ф. Андрейчева

КУРАКИНА ДАЧА СКВОЗЬ ВЕКА

Куракиной дачей сейчас называется парк, расположенный на территории, ограниченной проспектом Обуховской Обороны, Леснозаводской улицей, улицей Бабушкина, бульваром Красных Зорь, Прямым проспектом и Ивановской улицей.

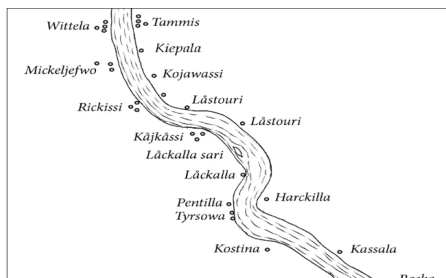

Куракина дача на плане современного Невского района

Один из наиболее доступных источников сведений о Приневье в конце XVII — начале XVIII веков – это карты, собранные историком Ингерманландии Андреем Гиппингом.¹ На той из них, которая датирована 1701 г., конфигурация Невы наиболее близка

к действительной, и место нынешнего парка можно определить, как находящееся вблизи поселений *Rickissi* и *Kaikassi*.

Последнее название в русском варианте звучало как *Кайкуши*. Дачу под этим названием царь Петр I, всемерно заинтересованный в скорейшем освоении отвоёванных земель, выделил своему старшему сыну, царевичу Алексею Петровичу.² После трагической смерти царевича Кайкуши оказались в ведомстве Главной дворцовой канцелярии. С вступлением на престол императрицы Екатерины II дача перешла во владение её бывшего камердинера Василия Григорьевича Шкурина. Генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский, купивший у него Кайкуши, переименовал дачу в *Александровское* (*Александровку*).³

Фрагмент карты 1701 г. из собрания А. Гиппинга

На соответствующем листе в «Атласе Санкт-Петербургской губернии 1791 года» хорошо видно, что территория, получившая позже название «Куракиной дачи», составляла

¹ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М., 2003. Приложение. Л. 10, 10а.

² Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочинённое господином Богдановым со многими изображениями первых зданий; а ныне дополненное и изданное надворным советником правящим должностью директора над Новороссийскими училищами, Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Василием Рубаном. Изд. первое. СПб., 1779. С. 66.

³ Подробнее об истории дачи Кайкуши (Александровского) см.: Андрейчева В.Ф. Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном. СПб., 2012.

одно целое с дачей Александровской (в атласе — дача № 89).⁴

После смерти в 1793 г. князя А.А. Вяземского его вдова, княгиня Елена Никитична (урождённая княжна Трубецкая), не смогла содержать огромное имение Александровское и распродала его по частям.⁵ Граница его с землями кирпичных заводов проходила по Козлову ручью.⁶

Несмотря на низкую точность этого плана, из него понятно, что территория севернее Козлова ручья в состав исторической части Куракиной дачи не входила. На плане 1805 г. здесь, на Шлиссельбургской дороге, проходящей по берегу Невы, показаны «дома мастеровых, как оного (Императорского фарфорового. — В.Ф.), так и кирпичных заводов».⁷

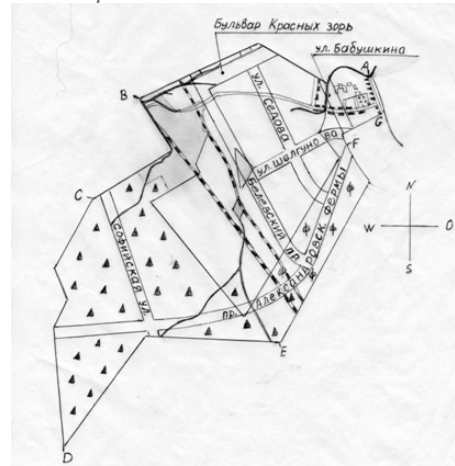
На карте 1864 г. здесь показано село Фарфоровое, дома которого располагались, как это было принято в русских селениях, вдоль дороги.

Село Фарфоровое и часть Куракиной дачи на карте 1864 г.

На ещё более поздних картах, начиная с 1912 г., село показано уже с проездами, спускавшимися от Шлиссельбургской дороги — улицами *Штубе*

и *Вахрамеевской*, *Чесноковым переулком* (последний впервые появляется на плане 1931 г.). На карте 1932 г. село, что понятно, называется уже *Володарским*.

- A-B** — земля Фарфорового завода.
- B-C** — земля деревни Волковой.
- C-D** — земля деревни Купчино.
- D-E, E-F, F-G** — земли других владельцев.
- G-A** — река Невы.

План исторической Куракиной дачи⁸ с наложением на сеть современных улиц

Постройки бывшего села Фарфорового были снесены в начале 1960-х гг., но на этом месте, не в пример нынешнему времени, не стали строить новые многоэтажные дома, а разбили парк, ставший продолжением парка «Куракина дача».

Князь Алексей Борисович Куракин (1759–1829) был младшим братом Александра Борисовича Куракина, который воспитывался вместе с великим князем Павлом Петровичем. С восшествием на престол

⁴ РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 25. Атлас Санкт-Петербургской губернии 1791 г. Л. 31.

⁵ Санктпетербургские ведомости. 1796. № 17, 18, и 19. С. 350, 368 и 390.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1263. О доставлении конторе Фарфорового завода плана Куракиной дачи. Л. 1-4 (1855 г.).

⁷ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 736. Планы земельных участков, отведённых Фарфоровому заводу.

⁸ Обуховский завод: 150 лет во славу Отечества. СПб., 2013. Приложение. Л. II.

императора Павла I он был осыпан милостями: назначен главным директором Ассигнационного банка, генерал-прокурором и присутствующим в Совете Его Величества, а также министром Департамента удельных имений и канцлером Российских орденов. Император Павел пожаловал его ещё и чином действительного тайного советника, несколькими тысячами душ и богатыми рыбными ловлями на Волге. Женат князь Алексей Куракин был на Наталье Ивановне Головиной (1766–1831), талантливой и образованной женщине.⁹

Село Фарфоровое и часть Куракиной дачи на плане из путеводителя А. Суворина 1916 г.

Князь, видимо, собирался всерьёз устроиться на этой даче. Он приказал сделать её план, платил священнику и дьячку Троицкой церкви от себя жалование¹⁰, на даче было немало дворовых людей. Однако в жизни князя неожиданно произошли большие перемены.

Император Павел увлёкся новой фавориткой, Анной Лопухиной. Прежняя же фаворитка, фрейлина Екатерина Нелидова, и его законная жена, императрица Мария Фёдоровна, сблизилась, совсем не исключено, что именно

на почве взаимных обид. Князь Куракин был в числе сочувствующих им. В итоге Павел охладел к князю, тот остался не у дел и уехал в Москву, а в газете появилось объявление о продаже его дачи под Петербургом¹¹. Неизвестно, нашлись ли потенциальные желающие купить дачу,

План части Куракиной дачи 1822 г.

но в начале 1801 г., незадолго до своей насильственной смерти, император Павел издал указ о её передаче, со всеми строениями и угодьями, в казённое ведомство и о причислении к Александровской мануфактуре. Взамен этой дачи князю Куракину передавалась другая — в Подмоскowie. Сделал это Павел I по просьбе своей супруги, императрицы Марии Фёдоровны, пожелавшей получить Куракину дачу для своего Ведомства, чтобы использовать её ресурсы на нужды Александровской мануфактуры¹².

⁹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков (По изданию великого князя Николая Михайловича). СПб., 1995. С. 347, 349.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 22. Разные о крестьянах дела. Л. 1–2.

¹¹ Санктпетербургские ведомости. 1799. 11 окт. № 81.

¹² Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. Приложение к изданию 50-летия IV отделения Собственной Его Величества канцелярии, 1828–1878 гг. СПб., 1880. С. 363.

Имя князя Алексея Куракина появляется в метрических книгах и исповедных росписях Троицкой церкви села Александрова с 1798 г. Упоминается он как владелец дворовых людей, или крестьян, о которых сделаны церковные записи. После 1801 г. его имя в этих книгах не встречается¹³.

Надо заметить, что из князей Куракиных владельцем здешней дачи был только Алексей Борисович, да и владел он ею не более трёх лет. Следовательно, М.И. Пыляев ошибался, когда писал об этой даче, как о родовом имении князей Куракиных¹⁴. Александровская мануфактура получила эту дополнительную дачу под названием Куракиной, так за ней и укрепилось такое название.

Дом на Куракиной даче был каменным. О том, как он выглядел в конце XVIII — начале XIX веков, можно получить некоторое представление из архивных документов более позднего времени. В проекте 1822 г. перестройки дачи под нужды Воспитательного дома архитектора Доменико Квадри есть фасады этого здания. На проектных планах уже существующие части здания выделены розовым цветом¹⁵. Таким образом, с большой вероятностью можно предположить, что первоначально дом на Куракиной даче выглядел, как центральная двухэтажная на подвалах часть изображённой в проекте постройки.

По свидетельству старожилов, овальный пруд, нанесённый на план части Куракиной дачи 1822 г., существовал ещё в первые годы после

Великой Отечественной войны 1941–1945 г. Здесь даже имелась возможность покататься на лодках.

Фасад дома на Куракиной даче, обращённый на Шлиссельбургскую дорогу. Проект перестройки 1822 г.

В архивных документах есть сведения о том, что в доме Куракиной дачи предполагалось размещение Кисейной фабрики, которую предложил завести здесь англичанин Вильям Орт. Однако его не удовлетворили условия, на которых императрица Мария Фёдоровна предложила ему заём под устройство фабрики, и сделка не состоялась¹⁶.

Высочайшим повелением от 30 августа 1813 г. каменное строение Куракиной дачи было передано в ведомство Воспитательного дома для летнего помещения воспитанников. Для воспитанниц, также для летнего размещения, отводились деревянные дома на той же даче, но они по-прежнему оставались в ведении Александровской мануфактуры. С 1834 г. воспитанников переместили в Гатчину, а воспитанницы продолжали проводить летнее время на Куракиной даче, пользуясь деревянными домами¹⁷.

Особую роль усадьба с парком стала играть после учреждения в 1837 г. Малолетнего отделения Николаевского сиротского института. В институт предполагалось принимать дочерей обер-офицеров и гражданских чиновников.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 394–397. Метрические книги Троицкой церкви села Александрова за 1798–1803 гг.

¹⁴ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 72.

¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 95. Ед. хр. 40. Бывшая Куракина дача по Шлиссельбургскому проспекту в Петербурге. Генеральный план. Планы 1 и 3 этажей, архитектор Квадри. Акварель, 4 листа. (1822 г.); Там же. Ед. хр. 52. Александровская мануфактура. Генеральные планы. Л. 8.

¹⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Ед. хр. 42. Переписка об учреждении на Куракиной даче Кисейной фабрики посредством шотландского фабриканта Орра. Л. 1–18. (1806 г.).

¹⁷ Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С. 363.

Назначением этого учебного заведения было «дать сиротам призрение, нравственное и умственное образование» для того, чтобы по выходе из заведения они могли обеспечить своё существование, трудясь гувернантками и учительницами в частных домах и общественных заведениях, преимущественно в провинции.

Малолетнее отделение института для сирот-девочек от четырёх до восьми лет разместились на Куракиной даче, в освободившемся каменном доме бывшей усадьбы. К этому времени взамен ветхих деревянных домов на даче построили три каменных флигеля: два двухэтажных и один одноэтажный. Во флигелях находились баня, прачечная, кухня, пекарня, квасная, аптека и квартиры служащих.

В 1854 г., когда было учреждено отдельное правление для Николаевского сиротского института и для Александровского сиротского дома и распределено имущество между этими двумя учреждениями, Куракина дача поступила в ведение Правления сиротских заведений, как постоянно находившаяся в пользовании института¹⁸.

В 1867 г. Малолетнее отделение переместили в здания упразднённой Александровской мануфактуры, а на Куракиной даче была устроена временная городская больница. Однако после визита императора Александра II, увидевшего ветхие и неудобные здания, в которых размещались воспитанницы, их снова перевели в прежние помещения на Куракину дачу.

В 1869 г. Куракина дача была переименована в Александровскую, но первоначальное её название продолжало

бытовать и существует до сих пор. К 1870 г. дача была перестроена и расширена по проекту архитектора Ивана Евгеньевича Иогансона¹⁹. Здания той поры мы можем видеть на её бывшей территории и сейчас.

Западный фасад д. 56, корп. 1 на ул. Бабушкина — бывшее Малолетнее отделение Николаевского сиротского института. 2015 г.

В здании Малолетнего отделения помещались 150 воспитанниц, разделённых на 15 групп. Для каждой группы предусматривались свои спальни и классы. Общими были гимнастический и рекреационный залы и церковь во имя Святого благоверного князя Александра Невского²⁰. Здесь же размещался лазарет, квартиры для воспитательных дам и комнаты для женской прислуги. По обеим сторонам главного корпуса были расположены два двухэтажных флигеля.

Воспитательницами Малолетнего отделения служили выпускницы того же Николаевского института или частных пансионов.

Сейчас бывшее главное здание Малолетнего отделения занимает общеобразовательная школа № 328 с углублённым изучением английского

¹⁸ Монографии учреждений Ведомства Императрицы Марии. С. 362-363.

¹⁹ Там же. С. 364.

²⁰ Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Т. 2. СПб., 1996. С. 189.

языка. В школе есть свой музей, в экспозиции которого представлена и история Куракиной дачи, и история школы.

Отдельно стоящий флигель на Куракиной даче. 2009 г.

До недавнего времени на Куракиной даче сохранялось ещё одно здание, принадлежавшее когда-то Малолетнему отделению Николаевского сиротского института. Первый этаж этой постройки был кирпичным, оштукатуренным, второй — деревянным. О том, каково было его назначение до 1917 г., сведений найти пока не удалось. На моей памяти здесь находился круглосуточный детский сад фабрики «Рабочий». С началом перестройки садик закрыли, здание долго стояло пустым, горело. Около 2008 г. его снесли и построили на этом месте внешне похожее новое здание, но деревянный верх у него только имитирован. В 2010 г. здесь открылся Детский хоспис.

На приведённом выше плане исторической Куракиной дачи видно, что половину её составляло поле. Образовалось оно, вероятно, после вырубки леса ещё при князе А.А. Вяземском. До 1832 г. поле использовалось частично для выгона скота, принадле-

жавшего как жителям мануфактуры, так и крестьянам деревни, частично — под посевы овса и ржи.

Здание Детского хосписа, построенного на месте старого здания. 2014 г.

В 1832 г. начальник Александровской мануфактуры А.Я. Вильсон сдал один из участков при деревне Леснозаводской, находившихся в его распоряжении, в аренду коллежскому асессору барону Кистерну. В 1856 г. арендный договор был расторгнут, а ферму (так тогда уже стал называться в документах этот участок земли) принял в аренду на 12 лет великобританский подданный Чарльз Белль, сын Давида Белля²¹.

Давид Белль приехал из Англии в 1821 г. «для приготовления машин и инструментов по механической части». Он 27 лет работал на Александровской мануфактуре механиком, одновременно занимаясь обучением воспитанников, и был награждён золотой медалью на Владимирской ленте. В 1848 г. во время эпидемии холеры Д. Белль, в свободное от службы время, оказывал помощь больным, покупая при этом лекарства на свои средства. Видимо надорвав свои силы, он неожиданно умер, оставив вдову с шестью детьми. Старшему сыну

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1748. О крестьянах, подведомственных Александровской мануфактуре. Л. 65.

Карлу (Чарльзу) было в это время 17 лет, Ивану — 14, Давиду — тоже 14, Якову — 7; дочерям: Изабелле — 18 лет, Луции-Анне — 4 года. Вдова Давида Белля, Анна, обратилась к начальнику мануфактуры с просьбой о помощи, поскольку, как вдова иностранца, из жалования которого не производилось пенсионных вычетов, она не имела права на какое-либо пособие. А.Я. Вильсон выхлопотал для неё единовременную выплату в 1000 рублей, а также пособие на детей в течение шести лет по 400 рублей и ещё на пять лет по 250 рублей в год из сумм мануфактуры²².

Очевидно, именно старший сын Анны Белль, Чарльз, с 1856 г. арендовал поля, находившиеся на землях бывшей Куракиной дачи. Эти поля включали в себя и территорию, занимаемую современной железнодорожной станцией Санкт-Петербург-Сортировочный-Московский. В своё время, при строительстве железной дороги земля была выкуплена также из территории бывшей Куракиной дачи.

Чарльз Белль конфликтовал с крестьянами деревни Леснозаводской, так как арендовал те поля, которыми раньше они пользовались. Белль жаловался на то, что крестьяне выпускают на его поля по ночам лошадей и коров, и признавался, что эту скотину он заставлял ловить и наутро выкупать; что ему пришлось вырыть земляной ров и устроить вал, чтобы через его поля не гоняли скот²³.

В архивных документах 1897 г. есть све-

дения о том, что брат Чарльза, Давид Давидович Белль, 40 лет арендовал у Ведомства императрицы Марии Александровскую ферму. При этом он оставался британским подданным²⁴.

Жили Белли, вероятно, в Белевском переулке, совсем близко от Леснозаводской улицы. В справочниках «Весь Петербург» на 1896–1916 гг. также можно найти имена домовладельцев Беллей по адресу: Шлиссельбургский проспект села Фарфорового завода, д. 31. Правда, их фамилия в справочниках разных лет записана по-разному: Билль, Бэлль²⁵. Белевский переулок окончательно был упразднён в 2008 г.

Как уже упоминалось выше, поля, арендованные Беллем (Белевское поле), в документах назывались фермой. Куракина дача в 1869 г. была официально переименована в Александровскую дачу, поэтому и ферма стала называться Александровской. После закрытия Александровской мануфактуры Карточная фабрика и Александровская ферма остались в распоряжении Опекунского совета.

В начале XX века сдавать поля фермы в аренду для ведения сельского хозяйства, видимо, стало невыгодным, и их сдали под жилищную застройку. На карте 1912 г. показан район с прямоугольной планировкой из 14 линий и пяти пересекающих их улиц, обозначенный, как *Леснозаводская Власьевка*. Правда, в данном случае не слишком понятно, откуда взялось это наименование.

²² РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1090. Об оказании пособия вдове механика Александровской мануфактуры Белль. (1848 г.).

²³ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1748. О крестьянах. Л. 72.

²⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 34. Д. 532. Об уплате ½% сбора на содержание Санктпетербургской пригородной полиции по арендуемой в селе Александровском земле (ферме) Ведомства императрицы Марии великобританским подданным Давидом Белль. (1891–1897 гг.).

²⁵ Весь Петербург на 1896 г. Шлиссельбургский участок. С. 449; Весь Петербург на 1900 г. Пригород. 2-й полицейский участок. С. 610; Весь Петроград на 1916 г. Александровский участок. С. 488.

Дело в том, что изначально *Власьевкой* называлась колония по правую сторону *Троицкой улицы* (ныне *улица Грибакиных*), принадлежавшая Обуховскому заводу и получившая своё название от фамилии начальника этого завода Г. Власьева²⁶. Однако Обуховский завод, Карточная фабрика и деревня Леснозаводская относились к разным ведомствам.

Участки земли бывшей Александровской фермы пользовались большим спросом. Их арендовали, в основном, приезжие. Однако у новосёлов возникли большие проблемы с постройкой виадука через железную дорогу.

В 1910 г. в Собственную канцелярию Его Императорского Величества по учреждениям императрицы Марии поступило прошение от арендаторов земельных участков Карточной фабрики бывшей Александровской фермы. Просители заявляли, что с 1905 г. арендуют участки земли при станции Обухово Николаевской железной дороги. Они возвели здесь около сотни домов с «несколькими стами» жителей. Однако пути сообщения в этом районе остаются «в первобытном состоянии». Вода по наклону от железной дороги заливает низкие места. Летом 1909 г. во время холерной эпидемии санитарная комиссия обратила внимание на застой воды на дворах, но никаких мер по его устранению предпринято не было.

В другом прошении жители жаловались на то, что Николаевская железная дорога построила у самых арендуемых участков насыпь, отрезав проход от них к станции Обухово. Владельцы домов терпят убытки

от того, что сдавали квартиры внаём, а теперь вынуждены снижать плату за аренду.

Ведомство императрицы Марии ответило просителям, что не несёт ответственности за действия Николаевской железной дороги, которая устроила виадук на купленной ею земле²⁷.

Сегодня о существовавшей здесь некогда ферме напоминает только название *проспекта Александровской Фермы*. На месте полей Александровской фермы, когда-то застроенных многочисленными деревянными домами, теперь находятся жилые кварталы, разделённые *улицей Шелгунова*.

Большой квартал, который местные жители и до сих пор называют *Белевским полем*, занимает пространство, ограниченное улицами Седова, Шелгунова, Кибальчича и бульваром Красных Зорь.

Белевское поле интересно жилыми постройками второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. Дома эти строили пленные немцы. В послевоенное время, при недостатке строительных материалов и острой нужде в жилье, малоэтажные дома возводили с деревянными перекрытиями и засыпными дощатыми перегородками. Однако их внешний вид весьма гармоничен. По сравнению с современными зданиями, они соразмерны человеку, хорошо вписываются в озеленённую территорию, создавая комфортную для людей среду.

В квартале использованы всего три типовых проекта домов, но они удачно сгруппированы и в некоторых случаях дополнены арками. Весь квартал зелёный, очень уютный, с небольшими дворишками. Не-

²⁶ Подробнее см. статью О.Ю. Мавриной в настоящем номере. — *Ред.*

²⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 72. Д. 220. Разная переписка с управлением бывшей Александровской фермы. Л. 28.

которые из этих «раритетных» домов отремонтированы, однако при этом утрачены многие детали, придававшие им особое изящество. Большинство же старых домов Белевского поля требуют ремонта. А некоторые из них уже много лет расселены и стоят полуразрушенными.

Белевский проспект — магистраль, проложенная вдоль железной дороги от улицы Цимбалина до проспекта Александровской Фермы — была наименована 7 июля 1993 г. по Белевскому полю²⁸.

*Старый послевоенный дом
на Белевском поле после ремонта.
Улица Седова, д. 91, корп. 6. 2014 г.*

В сентябре 2016 г. парк «Куракина дача» был вновь открыт после двухлетней реставрации. Территорию осушили, на ранее заболоченных местах появились пешеходные дорожки и четыре детских площадки. Русло Козлова ручья, от которого ещё с конца XIX века оставалось только мокрое место²⁹, углубили — получился длинный пруд, а через него перебросили несколько мостиков.

Теперь по всей территории парка можно прогуливаться с большим удовольствием, отдыхая на скамеечках, во множестве здесь расставленных...

*Аналогичный дом в первоначальном виде.
1946 г.*

²⁸ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А.Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 71.

²⁹ Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С. 364–365.

О.Ю. Маврина

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕСТНОСТЬ ВЛАСЬЕВКА

Вот уже 40 лет, как на карте Санкт-Петербурга нет двух улиц Невского района — Власьевской и Варваринской. В 1976 г. они вошли в застройку улицы Грибакиных, и не осталось ни одной постройки, которая напоминала бы о том, что в начале XX века здесь были возведены 28 деревянных домов для рабочих Обуховского завода.

Сложно было рабочим завода найти себе жильё в частных домах села Александровского. *«Высокая плата, которую они вынуждены были давать за самый плохой приют, отзывалась весьма невыгодно на интересах завода, лишая его возможности обеспечить себя хорошими и в то же время недорогими рабочими»,* — писал 20 марта 1875 г. в правление завода его начальник Александр Александрович Колокольцов¹.

По этой причине в отошедших заводу от Опекунского совета зданиях² были устроены 32 квартиры для семейных мастеровых, а также казарма для холостых. Поселяли обуховских рабочих и в старые дома, например, построенные ещё для рабочих Карточной фабрики — их называли «карточные домики». Но этого всё равно было недостаточно, так как число заводских рабочих возрастало из года в год.

В 1875 г. А.А. Колокольцов обратился в правление с предложением вы-

строить 10 деревянных двухэтажных домов, рассчитанных на четыре семьи каждый. При этом не предполагалось получать какие-либо проценты на затраченный для постройки домов капитал, намеревались только его погасить за определённое число лет. Всего дома обошлись заводу в 52 тысячи рублей. Квартиры были предоставлены лучшим постоянным мастеровым и рабочим. Плату за квартиру, состоявшую из трёх комнат и кухни, взимали в размере четырёх рублей в месяц без отопления, то есть без предоставления дров.

Благодаря заботам А. Колокольцова и добросовестной работе заводского архитектора М. Бородатова к концу XIX века вдоль Шлиссельбургского проспекта появилось 28 домов. Дома эти были построены в 1876–1894 гг., когда начальником завода состоял Колокольцов; здесь же до 1918 г. находился и его дом. Рядом образовался Колокольцевский переулок (можно встретить его название и со статусной частью *улица*), существовавший до 1964 г.³

Позже, в 1931 г., газета «Большевик» писала про эти строения вдоль Шлиссельбургского тракта в статье «От обуховских домиков — к социалистическому городу»: *«Стройно вытянулись в линейку деревянные домики, носящие до сих пор название колокольцевские в честь какого-то генерала Колокольцева. Их 24, все они сделаны как один, в них 96 квартир. Жители их не имеют понятия о водопроводе и канализации; её в домиках нет».*⁴ Отсюда видно, что к колонии Власьевка эти дома отношения не имели.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 17. Д. 122.

² См. статью В.Ф. Андрейчевой в настоящем номере.

³ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А.Г. Владимировича. СПб., 2013 (далее: БТЭ). С. 541.

⁴ Большевик. 1931. 3 июля.

Однако в дальнейшем историки города каким-то образом оказались введены в заблуждение.

Так, например, Д. Шерих ошибочно полагает: «Постепенно вокруг завода возникла большая слобода. Стояли 24 (здесь и далее в цитатах выделено мною.— О. Маврина) деревянных дома вдоль Троицкого проспекта, нынешней ул. Грибакиных <...>».⁵

Генерал-лейтенант
Г.А. Власьев

Очень многие знают и любят многократно переиздававшуюся книгу К. Горбачевича и Хабло «Почему так названы?».⁶ Она даёт следующие сведения: «В конце прошлого века на Обуховском заводе (ныне завод “Большевик”) работало около трёх с половиной тысяч человек. <...> Очень тяжёлыми были жилищные условия. Завод имел всего **лишь 14 небольших** жилых зданий. Чтобы держать рабочую силу “под боком”, в **1897** году новый начальник завода генерал Власьев **распорядился о постройке ещё 36 домов**, которые получили название колонии “Власьевки”».⁶ Тем не менее, как уже говорилось выше, на самом деле к концу XIX века были построены 24 дома. Ошибочный год постройки колонии перешёл и в книгу С. Глезерова: «Власьевка. Так назывался рабочий городок Обуховского сталелитейного завода, **выстроенный в 1897 г.**

по распоряжению тогдашнего начальника завода генерала Геннадия Александровича Власьева (1841–1912). Отсюда и родилось название “Власьевка”. Память об этом рабочем посёлке долгое время сохранялась в названии Власьевской улицы».⁷ Попробуем разобраться, что же в действительности называлось колонией Власьевка?

С точными датами помогли разобраться документы Обуховского завода, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.⁸

В 1904 г. заводом были приобретены две десятины земли, на которой позже построили дома для рабочих.

Обращение о строительстве этих 28 домов от начальника завода генерал-лейтенанта Г.А. Власьева поступило в правление 25 января 1905 г.

Спустя десять дней в новом обращении он же писал: «*Постройка домов предполагается на приобретённой от Александровского завода земле, по прилегающему к ней Троицкому переулку, группами по 14 домов в квартале, причём на 1 год средние 2 дома строиться не будут*». В соответствии с планом, разработанном инженером Лумбергом, каждая квартира должна была состоять из трёх комнат и кухни.

К 15 февраля того же года уточнили, что полная стоимость строительства деревянного домика обойдётся в 8 100 рублей, а каменного — в 12 500 рублей. От проживания в каменных домах рабочие отказались, сославшись на то, что первое время дом будет сырым, уйдёт много дров

⁵ Шерих Д. Невская застава. Берег левый, берег правый. М.; СПб., 2007. С. 320.

⁶ Горбачевич К., Хабло Е. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1975. С. 72.

⁷ Глезеров А.С. Исторические районы Петербурга от А до Я. М., 2013. С. 49.

⁸ Все документы, которые цитируются ниже, взяты из одного дела: ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 17. Д. 1491.

на обогрев, да и плата выходит дороже, чем в деревянном.

С учётом мнения рабочих Г.А. Власьев отдаёт предпочтение строительству домов из дерева и для уменьшения возможности пожара предлагает строить их на большом расстоянии друг от друга (примерно 10 саженей), а в промежутках сажать деревья.

В ЦГИА СПб. хранится договор на актовой бумаге от 18 мая 1905 г., по которому подрядчики А. Пантелеев и П. Иванов обязались сдать готовыми для проживания 20 домов не позднее **1 октября 1905 г., остальные восемь — к 1 декабря 1905 г.**

В документе от 7 июля 1905 г. впервые встречается собственное название поселения: *«Осмотр подвозимых материалов для постройки домиков для рабочих в колонии “Власьевка”...»*.

В акте от 24 ноября 1905 г. зафиксировано, что вполне оконченных для жилья домов нет (отсутствуют калитки, ворота), могут быть заселены только пять домов — №№ 1, 2, 3, 8 и 9. За несвоевременную сдачу с каждого неоконченного дома с подрядчика было удержано по 400 рублей.

В воскресенье 4 декабря 1905 г. в половине десятого утра во вновь сооружённых домиках для рабочих колонии «Власьевка» был отслужен молебен с водосвятием.

При этом из 28 домов в 10 *«работы настолько закончены, что часть их будет заселена на будущей неделе лучшими мастеровыми Обуховского завода, прослужившими на заводе до 20 лет и обременёнными большими семьями»*.

Тем не менее, в изданной всего лишь три года спустя книге Н. Каптерева сказано, что в 1905 г. были построены именно **28** домов для рабочих.⁹

На самом деле все работы были завершены только в 1906 г., что зафиксировано в соответствующем акте: *«4 июня осмотрели 28 домов колонии “Власьевка” и нашли все работы по постройке их законченными и исполненными удовлетворительно согласно проекту, смете и контракту. С настоящего 10 июня 1906 года все 28 домов приняты Обуховским заводом»*.

Однако полного расчёта с подрядчиком всё ещё не случилось, несмотря на то, что 5 июля 1906 г. им были выполнены сверхсметные работы — устроены деревянные мостки, окрашены масляной краской заборы и ворота.

Правление завода не оставляло построенные дома без внимания. Так, в сентябре 1906 г. они были осмотрены, на недостатки указано подрядчикам. В октябре состоялся ещё один осмотр, во время которого работа найдена выполненной удовлетворительно. О том, что исправление дверей и окон закончено, подрядчик П. Иванов отчитался 16 октября.

Новый осмотр был произведён 28 ноября. Обнаружено плохое состояние штукатурки на капитальных стенах. Подрядчик исправил работу.

Далее, 3 апреля 1907 г. особая комиссия осмотрела состояние наружных дверей. Было принято решение: обить все 112 дверей клеёнкой по войлоку.

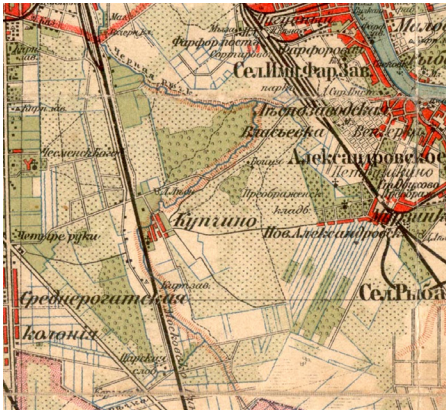
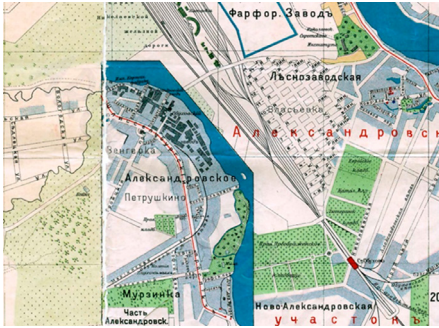
В том же году, согласно акту от 29 августа, обили двери в квартирах Гуцкова, Гаврилова, Шестакова и др.

В результате тем же числом был, наконец, **произведён окончательный расчёт с подрядчиком, что зафиксировано в акте.**

Рассмотрим теперь вопрос о том, когда Власьевка появилась на картах Санкт-Петербурга?

⁹ Каптерев Н. Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1908. С. 28.

На плане города 1909 г. можно увидеть название *Власьевка*, ошибочно расположенное на другой стороне Николаевской железнодорожной линии. Позже, на планах 1912–1925 гг., Власьевка обозначена на месте Леснозаводской деревни, что тоже неправильно.

Фрагменты планов с указанием колонии Власьевка. 1909 и 1914 (1916) гг.

В юбилейном издании, посвящённом 50-летию Обуховского завода, впервые приводится фотография колонии, на которой как раз и запечатлены эти 28 домов. После этого она появлялась во многих книгах.¹⁰

Колония Власьевка. Между 1906 и 1913 гг.

Прежде чем перейти к послереволюционным временам, следует хотя бы коротко рассказать о создателе колонии.

Геннадий Власьев родился 7 апреля 1844 г. в родовом имении отца — селце Конково Пошехонского уезда Ярославской губернии, в семье участника войны с Наполеоном Александра Гурьевича Власьева и его жены Маргариты Кондратовны.

Отец вышел в отставку в 1823 г. штабс-ротмистром; финансовое положение семьи оставляло желать лучшего. Надо было воспитывать шестерых детей, а в 1846 г., спустя два месяца после смерти отца, родилась ещё одна девочка. Так что детство и отрочество Г. Власьева не были безоблачными и беззаботными. Тем не менее, мать смогла дать ему образование — он учился в Ярославской гимназии, а в 1857 г. после пятого класса поступил в Морской кадетский корпус, который закончил в 1863 г. первым в выпуске, и по этому праву принял участие в кругосветном путешествии. Затем он поступил в Морскую академию, закончив её также с отличием.

¹⁰ См., например: Розанов М.Д. Обуховцы. Л., 1965. С. 61; Лунев В.С., Шилев В.В. Невский район. Л., 1970. С. 17; Андрейчева В.Ф. Александровское. Мурзинка. Фарфоровый завод. Забытое об известном. СПб., 2012. С. 106.

За годы учёбы Г. Власьев теряет своего старшего брата Бориса и мать. Сознвая ответственность за судьбу сестёр, и понимая, какую роль играет приданое в жизни девушек, он отказывается от отцовского имения в их пользу.

У самого Геннадия Александровича семейная жизнь получилась совсем непростой. В 1866 г. он решается на похищение (в буквальном смысле) Варвары Крикушиной, дочери мышкинского купца Луки Осиповича Зевакина из дома мужа-тирана. На деле это «романтическое приключение» обернулось множеством проблем.

Сначала три года ушло на получение развода, за это время в 1868 г. вне брака родилась дочь. Венчание состоялось лишь в 1872 г., после чего начались хлопоты об официальном удочерении... Возможно, всё это привело к разладу в семье, — и тут вспыхивает новая любовь, соединившая Г.А. Власьева на всю жизнь с Ольгой Николаевной Кобыльской. Опять семейные трудности — почти два десятилетия жизнь вне брака, пока не скончалась первая жена.¹¹ Опять хлопоты по усыновлению трёх внебрачных детей — Бориса, Ольги, Натальи.

На фоне такой бурной семейной жизни трудовой путь складывался весьма успешно.

С 1871 г. служба Г.А. Власьева была связана, главным образом, с работой на механических и металлургических заводах, бывал он и в заграничных командировках в Англии и Америке. В декабре 1880 г. Г.А. Власьев переводится на Обуховский сталелитейный завод. С мая 1886 г. он становится помощником начальника этого предприятия, а с апреля 1894 г. — его начальником.

Проживала в это время его вторая семья по адресу: село Александровское, Шлиссельбургский пр., 52.

Время правления Г.А. Власьева стало периодом непрерывного развития завода, его расширения, внедрения новых технологий, и как уже отмечено, улучшения быта рабочих. Большое внимание он уделял работе по организации обучения рабочих и их детей. Он был инициатором учреждения специального фонда стипендий детям рабочих и служащих, лично внёс в него 4 500 рублей, что составило бóльшую часть фонда.

В должности начальника Г.А. Власьев прослужил 11 лет, до ноября 1905 г., когда по состоянию здоровья подал в отставку. Семья переехала в Царское Село и проживала там на Церковной улице, 38. К этому времени Власьев имел звание генерал-лейтенанта по Адмиралтейству, был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны всех степеней, Св. Владимира IV и III степени, тремя иностранными орденами и многими медалями. Выйдя в отставку, Геннадий Александрович полностью посвятил себя любимому делу — русской генеалогии, в частности, генеалогии потомков Рюрика. Он планомерно исследовал архивы, прибегал к помощи специалистов-архивистов, полностью оплачивая их труд.

В 1905 г. Г.А. Власьев издаёт книгу «Род дворян Власьевых», в 1906 г. — первые две части, а в 1907 г. третью часть первого тома «Потомства Рюрика».

Восьмого февраля 1912 г он неосторожно вышел в холодную комнату, где работали печники, простудился и слёг в постель с воспалением лёгких. Ослабленный организм не смог

¹¹ Г.А. Власьев и О.Н. Кобыльская венчались в церкви Св. Мученицы царицы Александры при доме Анатолия Демидова; «ему 56 лет, ей 47» (ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 17. Д. 1231).

перенести болезнь, и вечером 23 февраля Г.А. Власьев скончался. Спустя три дня он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с первой супругой. Через месяц умирает его жена Ольга Николаевна, которую похоронили здесь же. Могилы до наших дней не сохранились.

Вернёмся к колонии. Поскольку дома строились в четыре ряда с большими промежутками, это позволило обозначить две улицы — *Власьевскую* и *Варваринскую*. Первое известное их упоминание относится к справочнику «Весь Петроград» за 1922 г.¹² С названием Власьевской улицы всё понятно. Наименование же Варваринской вызывает много вопросов. В БТЭ сообщается, что название Варваринской улицы «*происходит от имени Варвары Лукиничны, жены начальника Обуховского завода <...> Г.А. Власьева*».¹³ Позволю себе не согласиться с этим.

Первая жена Геннадия Александровича скончалась в 1901 г., и он сам вряд ли делился с кем-нибудь воспоминаниями о ней — хотя бы потому, что к моменту назначения на должность начальника завода в 1894 г. уже около 10 лет жил не с первой женой, а с любимой женщиной Ольгой Николаевной Кобыльской. В 1885 г. у них родился первенец Борис, дочь Ольга — в 1887 г., а ещё через два года — другая дочь Наталья. Обвенчаться Власьев и Кобыльская, как уже говорилось, смогли только после смерти Варвары Лукиничны.

Сопоставив все эти даты, с трудом верится, что улица может быть названа в честь первой жены Г.А. Власьева! Правда, от первого брака

у Г.А. Власьева была дочь, тоже Варвара, но в 1904 г. она жила отдельно от отца на 10-й линии Васильевского острова в доме 41. Могло ли случиться так, что в названии улицы оказалось запечатлено её имя? Подлинная история взаимоотношений дочери и отца нам неизвестна...

Своими воспоминаниями о Власьевской улице поделилась с нами **Татьяна Дмитриевна Рогозкина (Минькова)**, жившая здесь с момента рождения в 1945 г. до 1969 г., когда её семья получила от завода новую квартиру на улице Тельмана. Родители работали на заводе «Большевик»; в 1948 г. родилась сестра Мария. Татьяна окончила школу № 337, сразу же пошла работать на завод «Звезда», а через три года перешла на завод «Большевик». В 1964 г. она поступила на вечернее отделение Военмеха, по специальности инженер-электромеханик.

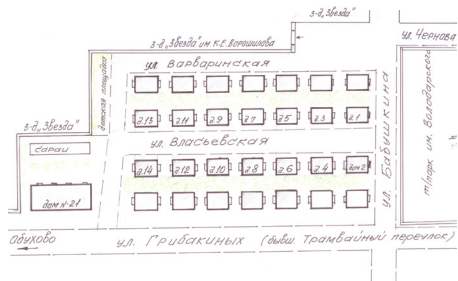

Схема колонии Власьева

Семья Миньковых проживала в доме № 14, квартира 3. Все дома были бревенчатые, обшиты некрашеной вагонкой. Со временем дерево потемнело и выглядело серым. У каждого дома с обоих торцов было по входу с крыльцом и скамейкой. С крыльца

¹² См.: БТЭ. С. 510 и 513.

¹³ Там же. С. 510.

попадали в коридор, из него вела лестница на второй этаж. Под лестницей была кладовая — чулан, где хранились овощи, бочки с капустой и огурцами, а также корм для коровы. Здесь же в коридоре был и холодный туалет (дырка и яма). На дверях каждой квартиры висел ящик «для писем и газет».

Квартира состояла из трёх комнат и кухни; как правило, в таком помещении проживало несколько семей. Входя в квартиру, сразу же попадали на общую кухню, где собирались все соседи. Отопление в домах было печное, на кухне стояла большая плита, которая топилась дровами. Летом пользовались керосинкой, которую ставили на плиту.

Из кухни двери вели в комнаты: две смежные, где жила семья Миньковых из четырёх человек, и ещё в одну комнату, где жила семья из трёх человек. Комнаты отапливались круглыми печами. Раньше все комнаты были соединены между собой, но позже дверь, ведущую к соседям, заколотили и оклеили обоями — и теперь попасть к ним можно было только через кухню.

По воспоминаниям Татьяны Дмитриевны, зимой, когда были сильные морозы, угол в большой комнате промерзал и иногда покрывался инеем, поэтому туда ставили новогоднюю ёлку.

Сначала водопровода в домах не было, за водой ходили на колонки, их было четыре на две улицы. В конце 1950-х гг. провели водопровод, а вскоре и газ. В сильные морозы, бывало, вода в трубах замерзала, тогда папа Татьяны брал палящую лампу и отогревал трубу. Плита на кухне оказалась ненужной, и вместо неё появился большой буфет.

На полу стояли китайская роза и фикус — тогда они были едва ли не в каждой квартире. В обязанности детей входило протирать листочки от пыли. Иногда вместо протирки выносили растения под дождь, так же поступали и соседи. От этого казалось, что Власьевская улица становилась ещё красивее и зеленее.

Ирина Алексеевна Минькова со своими дочерьми Татьяной и Марией в палисаднике возле дома. 1949 и 1952 гг.

«На нашей улице и так было много зелени,— говорит Татьяна Дмитриевна, — большие тополя росли в два ряда, около каждого дома был садик или огород. В школу 1 сентября мы с сестрой всегда ходили с букетами из своего сада. Помимо цветов в садике росли кусты крыжовника, ревень, огурцы в раме. У многих было своё хозяйство, держали свиней, кур. У нас была своя корова Ночка, поэтому мы всегда пили свежее молоко. Недалеко находился магазин “Фураж”, где продавали сено, корма и дуранду (жмых). Около магазина всегда валялись отходы сена, и там можно было набрать засушенные цветы, красивые лепестки.

Двери в квартиры редко закрывали на ключ, а если закрывали, то ключ вешали рядом на гвоздик. За порядком на улице следил дворник дядя Ваня.

Детям он казался очень большим и важным, ходил в белом переднике, с метлой на длинной палке, а на груди свисток...»

Не хотелось бы, чтобы память об этом небольшом поселении вместе с его жителями, пережившими годы революций и блокады, раствори-

лась во времени. Пока это возможно, важно собрать и сохранить для истории воспоминания тех, кто ещё помнит об этом утраченном уголке Невского района. Потому что, по словам Д.С. Лихачёва, исключительно «...в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому».

На любимой скамеечке возле дома.

*Маша Минькова
с подругами Машей Рожковой,
Верой Новиковой и Людой Поляковой. 1954 г.*

От редакции. По решению Топонимической комиссии Санкт-Петербурга наименование Власьевская улица будет присвоено безымянному проезду в Невском районе, проходящему от улицы Грибакиных в направлении 3-го Рабфаковского переулка, недалеко от исторической Власьевской улицы.

Е.П. Сизёнов

В ПОИСКАХ ПОЛУШТОФНОЙ, или Новые загадки колпинской топонимики

В издании «Топонимика исторического центра Колпина» (2009), выпущенном мною совместно с Р.С. Иволгой, а также в некоторых статьях, я писал, что бóльшая часть первоначальных наименований колпинских проездов была присвоена в 1872 г. в процессе работы комиссии по обревизованию Адмиралтейских Ижорских заводов и села Колпина.

Тот же год указан и в соответствующих статьях «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» — БТЭ (2013), раздел которой «Колпинский район» мы также писали вместе с Р.С. Иволгой. Исключение составили наименования только двух улиц: *Никольской* и *Троицкой*, поскольку в книге «Колпино. Селение Ижорских Адмиралтейских заводов» (1854) только они и имеют названия. «*Прочие улицы в Колпине без названий, малоездны и свободно зеленеют травой*». В очерке «Село Колпино» (1863) также упомянуты только Никольская и Троицкая улицы.

В то время нам это представлялось следующим образом. Когда в 1872 г. перед комиссией по обревизованию встала задача составления списка домовладений, сделать это оказалось невозможно из-за того, что проезды оставались безымянными. Тогда комиссия быстро присвоила им наименования, в одних случаях закрепив уже бытовавшие в народе, в других —

исходя из собственных представлений о местных признаках.

В результате в Журнал комиссии по обревизованию 1872 г. оказались внесены все домовладельцы с их адресами — по улицам, переулкам, набережным, площадям и пр.

Отнюдь не утверждая, что для составления раздела «Колпинский район» в БТЭ использованы все возможные исторические источники, мы всерьёз полагали, что Журнал комиссии и есть самый первый источник, письменно зафиксировавший первые колпинские названия. Тем более что с некоторыми уточнениями эти названия были нанесены на план посада Колпино Санкт-Петербургской губернии Царскосельского уезда, составленный в 1876 г.

Однако случилось так, что вне нашего внимания остался более ранний источник, весьма интересный для понимания начальной истории колпинской топонимии, а именно № 5 журнала «Всемирная иллюстрация» от 9 января 1871 г.

Впрочем, гравюра из этого номера с изображением Адмиралтейских Ижорских заводов, выполненная по рисунку А.К. Бегрова, хорошо известна — и не только колпинским краеведам. За неимением достаточного количества иллюстративного материала, она постоянно репродуцируется, в первую очередь почти во всех изданиях об Ижорских заводах, причём с указанием источника.

Однако текст сопровождавшей это изображение статьи непростительно долгое время краеведов не привлекал — со всеми вытекающими отсюда последствиями для изучения колпинской топонимии!

В статье же ясно сказано, что в Колпине существует 14 улиц: четыре

Никольских, три Горских, три Чухонских, Троицкая, Полуциркульная, Опилочная, Полуштофная, и ещё Царскосельский проспект. Проезды, имеющие другие статусные части, в статье не указаны.

Данное обстоятельство заставило нас вновь обратиться к спискам домовладельцев, приведённым в Журнале комиссии по обревизованию. Таковых там четыре — по числу кварталов, а составлены они в июне — июле 1872 г. Вот полный перечень проездов, на которых в Колпине тогда находились дома (общим числом 986):

1-я Горская улица;
1-й переулок, идущий ко 2-й Горской;
2-й переулок, идущий к железной дороге;
2-я Горская улица;
Новая слобода по линии железной дороги;
3-я Горская улица;
Троицкая улица;
1-й Троицкий переулок;
2-й Троицкий переулок;
Церковная площадь;
Набережная по левой стороне прямого канала;
1-я Никольская улица;
Набережная по правой стороне прямого канала;
2-я Никольская улица;
3-я Никольская улица;
4-я Никольская улица;
Новая Никольская к огородам;
Набережная на реку Ижору;
Адмиралтейская площадь;
Набережная;
1-я Чухонская улица;
Полукруглый канал;
Царскосельская дорога;
Полуциркульная улица;
1-я Опилочная улица;
Переулок от Полуциркульной до 1-й Опилочной;
3-я Чухонская улица;

Площадь по Царскосельской дороге;
2-я Опилочная улица;
Новая улица Чухонская, к заливу;
Набережная Полукруглого канала;
Набережная реки Ижоры к Магазинам;
Сарафанная улица;
Пустая площадь к Царскосельской дороге.

Из этого перечня хорошо видно, что часть улиц и переулков ещё не имеет устоявшихся названий — они-то к 1876 г. и оказались изменены.

Принимая во внимание только улицы, отметим, что из названных во «Всемирной иллюстрации» в Журнале комиссии отсутствуют *Полуштофная* и *2-я Чухонская*. Правда, последняя упоминается в другом списке, составленном немного позже — среди адресов лавок, который содержит приписку: «К 1 августа 1872 года». *Царскосельский проспект* также упоминается только среди адресов владельцев лавок. Очевидно, так комиссия поначалу называла *Царскосельскую дорогу*, названия которой среди адресов лавок уже нет.

В списке находим имя крестьянина Степана Фунина, который держал мелочную лавку в собственном доме по *Полуциркульной улице* на углу *Штофной*. В отличие от других подобных записей здесь отсутствует статусная часть топонима. Поэтому поначалу у нас с Р.С. Иволгой даже возникло предположение, что это тоже лавка, поскольку *Штофными* назывались те из них, в которых продавалась водка (от термина «штоф» — русской неметрической меры жидкости, равной 1/10 ведра, то есть 1,2 литра). Но поскольку в числе лавок, перечисленных в Журнале комиссии, таковой не оказалось, эта версия была отброшена. Написание же с про-

писной буквы, да ещё в соединении с конкретным указанием о местоположении («на углу»), привело к выводу, что *Штофная* может обозначать только название улицы. Скорее всего небольшой: ни одного дома на ней не было, и она имела общий угол с *Полуциркульной* (так называлась улица, ставшая в 1882 г. *Славянской*, с 1918 г. — *улицей Коммуны*). Но, в таком случае, где же *Штофная* улица находилась?

Сейчас улицу Коммуны (бывшую *Полуциркульную*) пересекают или имеют с ней угол шесть проездов: *Адмиралтейская улица* (в 1918–2017 гг. — *улица Володарского*), *Павловская улица*, *улица Косинова*, *проспект Ленина* и *Финляндская улица*. *Адмиралтейскую* улицу (бывшую 1-ю *Чухонскую*) и *проспект Ленина* (бывший *Царскосельский*) из этого перечня сразу исключаем. *Улица Косинова* — новая, она появилась в период восстановления Колпина после Великой Отечественной войны. *Павловская улица* на плане 1876 г. подписана как *Якорная*, а в 1882 г. проезду было присвоено название *Сырой переулок*, каковым он и оставался до 1948 г.

Можно предположить, что из проездов, упомянутых в Журнале комиссии, *Павловской* улице соответствует переулок от *Полуциркульной* до 1-й *Опилочной*, то есть до современной улицы *Карла Маркса*.

Таким образом, остаётся вроде бы только *Финляндская* улица, до 1882 г. носившая название *Сарафанная*. Однако в Журнале комиссии она упоминается, следовательно, могла ли она называться ранее *Штофной*?

Другой вопрос: почему *Сарафанная* улица не названа во «Всемирной иллюстрации»? Ведь в Журнале комиссии по ней перечислено немало

домов, значит и в 1871 г. эта улица, несомненно, существовала. Зато есть *Полуштофная*! Не она ли и была переименована в 1872 г. в *Сарафанную*? Во всяком случае, другой гипотезы сейчас выдвинуть не могу...

С чем связаны названия *Штофная*, *Полуштофная*? Наиболее очевидное объяснение: на этой улице раньше находилась штофная лавка — по-видимому, в те отдалённые времена единственная в Колпине. Дело в том, что до 1870-х гг. количество такого рода «заведений» строго регламентировалось. Заводское начальство стремилось поддерживать среди мастеровых трезвость. Накануне праздников и табельных дней издавались приказы о правилах поведения на улицах Колпина и в питейном доме. До 1859 г. в Колпине действительно была одна штофная лавка и один питейный дом; в этом же году, преодолев возражения начальника заводов К.И. Швабе, Царскосельское акцизно-откупное комиссионерство открыло в дополнение к ним «в виде опыта» ещё и водочный магазин. В дальнейшем рост числа такого рода заведений всё меньше поддавался контролю — ограничения, установленные главным командиром Санкт-Петербургского порта, успешно обходились. В результате в 1872 г. в Колпине в дополнение к трактирам, питейным заведениям, постоянным дворам, где всем желающим наливали немедленно, функционировали ещё три рейнских погреба и портерная.

Очевидно, что название *Штофная* возникло как народное и среди колпинского люда было, по-видимому, популярным. К 1872 г. штофная лавка в этом месте либо уже не существовала, либо её оттеснили другие, по своей многочисленности

уже не могущие создать столь «звучных» топонимов. Вскоре, как я уже сказал, Штофная улица исчезла и сама по себе... Можно предположить, что проходила она параллельно и рядом с Полуштофной или же это просто два названия одной и той же улицы. Впрочем, опять же, и это всего лишь пока только версия. Почему появилось наименование в форме *Полуштофная*? Потому что мера половины штофа, несомненно, была более привлекательна по цене, чем целый штоф? Увы, подобная версия вряд ли приемлема... Предположить, чем было вызвано её переименование, значительно проще. Скорее всего, в комиссии по обревизованию не возникло желания официально закреплять такое «неблагозвучное» название и его заменили на Сарафан-

ную... Опять же в связи с чем? По имеющимся в нашем распоряжении данным, ничего подобного, да и вообще особо примечательного, на ней в 1872 г. не было. Упоминается только кузница мещанина Василия Богданина — одна из десяти колпинских кузниц того времени. Невольно вспоминается: «Сошьём Дуне сарафан, сарафан...» из народной песни «Во кузнице», но вряд ли это хоть сколько-нибудь приближает нас к ответу на поставленный вопрос.

Итак, в истории топонимии Колпина появилось немало новых загадок. Главная из них: когда же и при каких обстоятельствах возникли первые названия колпинских улиц? Пока лишь можно отметить, что от одного явного заблуждения, пусть и с запозданием, мы избавились.

Андрейчева Вера Фёдоровна

Окончила Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). Член Русского генеалогического общества. Краевед, автор публикаций по истории Невского района Санкт-Петербурга, в том числе книг «Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном» (СПб., 2012) и «Малая Рыбная слобода, Уткина Заводь, Клочки и Киновия» (СПб., 2015).

Белодубровский Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А.М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член Координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Владимирович Алексей Георгиевич

Краевед. Автор многочисленных публикаций по истории и топонимике Санкт-Петербурга, один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» (1997), один из разработчиков и составителей «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга». Лауреат Анциферовской премии 2003 г. в качестве одного из авторов и титульного редактора «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2002) Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Маврина Ольга Юрьевна

Коренной житель Невского района Санкт-Петербурга. Окончила Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета (ныне Санкт-Петербургский государственный технологический институт — технический университет). В соавторстве подготовила книги «Под стук колес. 100-летняя история посёлка Сортировка» (2013) и «В сельце дворцовом в Шапках. Краеведческие записки» (2014), а также рабочую тетрадь «Угадай-ка» и учебник по истории «Петербург — наследник мировых цивилизаций». Самостоятельные публикации в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «С уважением к памяти».

Мартынов Геннадий Георгиевич

Закончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры). Библиограф, историк литературы, журналист. Победитель киришского открытого городского краеведческого конкурса «Наследники бестужевских традиций» 2012 г. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Сизёнов Евгений Петрович

В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работает экономистом. Автор нескольких книг, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпинцы. Историко-биографический справочник» (2009), «Колпинские мосты» (2016), а также публикаций в газетах и журналах. Автор (совместно с Р.С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Тимофеев Александр Генрихович

В 1983 г. закончил Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) государственный университет. Историк литературы. Кандидат филологических наук. Автор источниковедческих исследований и архивных публикаций о творчестве М. Кузмина и иных явлениях русской литературной культуры первой трети XX века, составитель и комментатор собраний стихов, пьес и критической прозы М. Кузмина. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей.

Содержание

Из писем в Топонимическую комиссию	3
Исторические исследования	
А.Г. Владимирович. Массовая топонимия на территории «большого» Санкт-Петербурга ...	4
А.Б. Рыжков. Здесь был канал.....	11
In memoriam	
Г.Г. Мартынов, А.Г. Тимофеев. Мир детской книги Мстислава Добужинского	16
Е.Б. Белодубровский. Три прогулки с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым	34
Петербург	
В.Ф. Андрейчева. Куракина дача сквозь века	39
О.Ю. Маврина. Историческая местность Власьевка	48
Пригороды и окрестности	
Е.П. Сизёнов. В поисках Полуштофной, или Новые загадки колпинской топонимики.....	56
Сведения об авторах	60

В оформлении обложки использованы рисунки М. Шемякина, М. Добужинского и фрагмент плана Санкт-Петербурга 1894 года

Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ» при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8

Тел./факс: +7 (812) 570-40-45

Email: toponim@spbicp.ru

Сайт: www.spbicp.ru

Состав редколлегии: Зонин А. С., Кизилова И. Н., Хацкевич Е. П.

Главный редактор: Скрелин П. А.

Ответственные редакторы: Владимирович А. Г., Мартынов Г. Г.

@ Дизайн: верстка: Глухов Т. Д.

Оригинал-макет и печать: «Копи Шоп Оранж»

© Институт культурных программ

Полное или частичное воспроизведение издания запрещено без письменного разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»

